

Что прячется в темноте?

Алина Аффи

МИДНАЙТ
ХИЛЛ

18+

Алина Аффи
Миднайт Хилл
Серия «Young Adult.
Моментальный хит»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69817582
ISBN 978-5-17-157478-9

Аннотация

Мелисса Санлайт вынуждена на время переехать в туманный город среди гор на предпоследнем году учебы в школе. Только вот спокойно пожить не выходит: она становится жертвой травли за общение с тремя одноклассниками, которые оказываются наследниками графского рода.

Неожиданно спокойную жизнь городка нарушает изувеченный труп медведя. Это вызывает у суеверных жителей волну слухов про оборотней. Теперь Мелиссе очень хочется во всем этом разобраться, особенно в компании братьев, которые точно знают больше, чем остальные.

Получится ли у нее раскрыть мрачные секреты города и новых друзей?

Содержание

I	5
Глава 1	14
Глава 2	35
Глава 3	62
II	81
Глава 4	86
III	101
Глава 5	109
IV	125
Глава 6	131
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Алина Аффи Миднайт Хилл

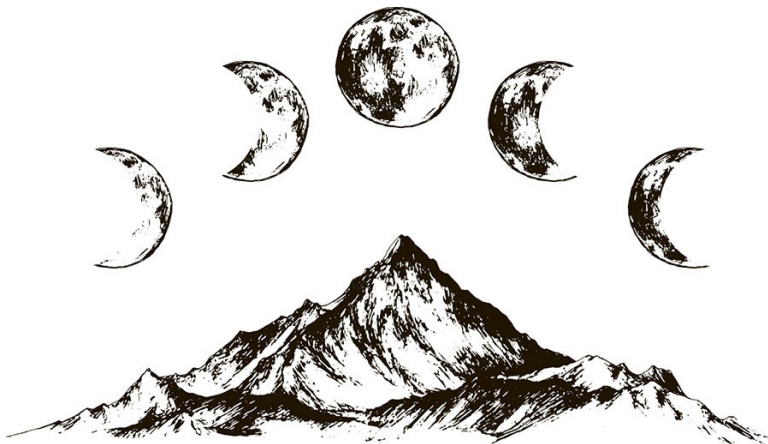
Иллюстрации на обложке и в блоке Алины Аффи
Дизайн обложки Яны Половцевой

© Алина Аффи, 2023 текст и иллюстрации

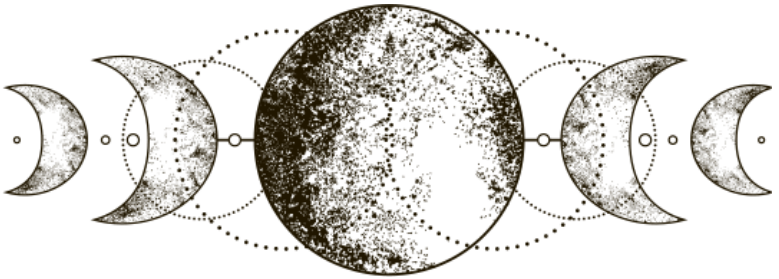
В оформлении макета использованы материалы по лицензии @shutterstock.com

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

I

Сентябрь, 1898

Напольные часы мерно отбивали ритм. На пуфе посреди комнаты сидел господин лет тридцати пяти, его светлые глаза, которые виднелись за очками, были прикованы к окну. Там – голые ветки, похожие на скрюченные пальцы злой ведьмы, отбивали ритм по стеклу.

В комнату с высокими потолками вошла женщина с объемной прической из каштановых волос. Ее мужу не пристало сидеть на пуфе. Увитое узорчатой вышивкой зеленое кресло стояло в углу спальни.

– Альфред, что-то случилось?

Зрачки мужчины дернулись, но помутненный взгляд не

поменял направления.

– Верить в то, что говорят деревенские? – негромко и хрипло спросил он, почти не шелохнувшись.

– Про что?

Женщина насторожилась. Возлюбленный пугал ее своим поведением уже многие месяцы.

– Про нечисть, что живет в Миднайт Хилле.

– Глупости, – отрезала она. – На то они и деревенские, чтобы пороть всякий вздор. Мы с тобой должны быть умнее и не принимать на веру крестьянские суеверия.

Мужчина поднялся с места, зрачки его забегали, брови, нос – все стало каким-то нервным.

– В нашем саду кто-то ходит, Дороти.

Шуршание платья и скрип паркета пытались заполнить пространство, в котором сгущалась тишина. Только когда фигура жены преградила окно, Альфред наконец моргнул, а затем вовсе зажмурился на какое-то время, потирая виски. Темные глаза женщины с недоверием и тревогой осматривали деревья, тропинки и резкий склон Черной горы в поисках человеческой или звериной фигуры.

– Никого чужого не может здесь быть, – резко произнесла она и, дернув тяжелые занавески, обернулась.

Ее муж смотрел куда-то в сторону, еле заметно мял край жилетки, что давно стала ему мала. Дороти сжала губы. Она устала видеть параноидальные силуэты в отражении зрачков Альфреда.

– Прости, любимая, – печально улыбнулся мужчина, и Дороти жалобно смягчила взгляд и расправила складку между бровями. – Я боюсь, они меня тоже убьют.

– Тебе нечего бояться, Альфред. Ты уже работаешь над тем, чтобы учредить городской совет. Ты не такой, – женщина взяла лицо мужа в руки и уверенно повторила, – ты не такой, как твой отец. И в нашем саду не будет никого, кто захочет причинить тебе вред.

Мужчина поцеловал жену в лоб, нежно отодвинул ее и сделал шаг к окну. Он отдернул шторы и осмотрел сад. С третьего этажа было видно и яблоневые аллеи, и беседки, и подножие горы за высоким сплошным забором. Никого не было.

Ночью супруги лежали в широкой постели с множеством перин. Дороти умиротворенно сопела, пока ее не разбудил лай собак. Она не размыкала глаз, стараясь укутаться в одеяла, пахнущие лавандой. Собаки часто шумели без причины и только мешали. Вдруг лай оборвался, псы заскулили. «Наверняка Джеймс приструнил», – вспомнила о дворецком женщина.

Однако заснуть больше не получалось. То волосы щекали лицо, то ветки били по стеклу. Дороти развернулась, чтобы обнять мужа и расслабиться. Но он сидел на кровати, будто вот-вот отойдет в мир иной, и впился взглядом в окно.

– Пресвятые угодники, Альфред! Что ты так пугаешь!

– Там лицо в окне.

Женщина съежилась, но все же посмотрела в незашторенное окно. Лица не было.

– Никого нет.

В этот момент по стене снаружи раздался скрежет. Дороти схватила мужа за локоть. Затем удар и глухой звук, будто что-то упало на землю.

Дороти выскочила из кровати и помчалась к окну. Если кто-то и находился там, она должна увидеть сама, а еще лучше – опознать того, кто тревожит ее мужа. Силуэт мелькнул всего на мгновение и скрылся за углом.

– Видела, – непонятные эмоции отразились на ее лице.

– Дороти... – лицо мужа исказил непередаваемый ужас.

Женщина в мгновение взбодрилась.

– Пойдем ловить непрошеного гостя.

Она накинула ночной халат, собрала волосы, схватила лампу, зажгла ее и открыла дверь из комнаты.

– Дороти, Дороти, – твердил мужчина, мотая головой и не отрывая взгляда от того места, где в ночи на него смотрело белое лицо.

– А ну, отбрось страх! Может, именно теперь ты сможешь покончить с этим! – рявкнула жена. Альфред воззрился на нее, на лице читалось: «Ты безумная!» – Быстро, Альфред, черт тебя бери, поднимай задницу и иди защищать свой дом и свою жену!

Дороти прежде не сквернословила, и это придало мужчине уверенности. Не до конца отдавая отчет своим действиям,

он нашел на полу тапочки, зацепил дужки очков за уши и, взяв со стула халат, направился за женой.

Тени от лампы скользили по зеленым стенам, раздавался торопливый топот. Сердца обоих колотились. Дороти полагаала, что падение с третьего этажа не могло не повредить преступника, а значит, он не уйдет далеко. Супруги сбежали по скрипучей лестнице на первый этаж и помчались в северное крыло поместья к комнате дворецкого.

– Джеймс! – не слишком громко позвала Дороти, настойчиво постучав в дверь.

Приоткрылась соседняя, в щелке показалось взволнованное лицо служанки.

– Что случилось, госпожа?

Ее вопрос услышал только ссутулившийся Альфред, стоящий чуть позади. Его взгляд был бессознательным, а губы не произнесли ответа.

Вскоре появился Джеймс. Высокий мужчина загородил проход, но сзади виднелось беспокойное лицо его пухлощечкой жены. Стоило дворецкому увидеть испуганные глаза хозяйев, как по всему лицу углубились борозды морщин.

– В саду кто-то есть, бери оружие, нам тоже дай, спусти собак, – тараторила Дороти.

Дворецкий, слушая ее, торопливо одевался. Натягивая сапоги, уточнил:

– Мэм, это зверь?

– Не знаю.

– Нет, – одновременно с женой произнес Альфред.

Джеймс неуверенно кивнул, вышел и захлопнул дверь. Задев девичье лицо слева от себя, он произнес:

– Слышала приказ госпожи? Беги за мужиками, скажи, чтобы быстро собирались и шли помогать.

Девушка вылетела из комнаты и в одной ночной рубашке побежала по темному коридору.

Широкими шагами Джеймс последовал к кладовке. Супруги еле успевали за ним. Лампа в руке Дороти качалась, а Альфред смотрел на тени, и сознание его мутнело. Дворецкий резким движением отворил дверь и зашел в небольшую комнату, освещенную единственной лампой, свисавшей с потолка. Отпер ключом массивные деревянные ящики, что там стояли, и, достав ружье, принялся его заряжать.

– Госпожа, – Джеймс передал его женщине, – господин, – протянул он следующее ружье Альфреду. Тот дышал ртом, сжался, обхватив тело руками. Мужчины смотрели друг другу в глаза.

Джеймс оставил ружье себе, засунул за пазуху револьвер и направился к выходу. Когда тройца оказалась у высоких парадных дверей, все остановились немного перевести дух.

Рядом с рослым широкоплечим мужчиной Дороти стало намного спокойнее. Джеймс загладил длинные нерасчесанные волосы назад и уверенно произнес:

– Пойдемте.

Только Дороти и Джеймс шагнули вперед, глаза Альфреда

расширились, и он вцепился в халат жены.

– Нет, это слишком опасно, – нездорово взвыл он.

Свет от лампы освещал веранду, часть влажной травы и три взволнованных лица. Джеймс нахмурил лохматые брови и ждал ответа Дороти.

– Можешь остаться здесь, – произнесла она.

– Прошу, не ходите туда, – вновь взмолился Альфред, и ноги его подкосились.

Дороти пошатнулась под весом мужа, сделала шаг в сторону, и тот неуклюже приземлился на колени. Лампа, стукнувшись о дубовый пол, задребезжала.

В коридоре послышался шум шагов, и вскоре наполовину вооруженные мужчины появились у выхода. Всего человек десять, среди них подросток и старики, не понимающие, что происходит, но готовые к свершениям, держали фонари, пистолеты и ножи. Глаза Дороти загорелись то ли от их вида, то ли от света ламп.

– Остайся здесь, – решительно бросила она мужу и сделала шаг навстречу ночной темноте. Мужчины последовали за ней, обходя Альфреда, что в отчаянии стоял голыми коленями на холодных досках.

– Не беспокойтесь, господин, я не отойду от вашей жены ни на шаг, – заверил Джеймс. Он подал руку, чтобы Альфред встал, но тот даже не смотрел на него. Шмыгнув кривым носом, дворецкий нагнал нерешительную процессию.

Альфред поднялся, опираясь на колонны на крыльце. Он

наблюдал, как огни в темноте разделились сначала на два потока, потом еще на два. Его жена держала ружье на взводе. Наверно, она дрожала от холода и страха этой ночью.

Когда все отошли слишком далеко и стали пропадать из поля зрения за углами поместья, мужчина задышал неровно, ладони его вспотели. Как он только мог отпустить нежную Дороти одну! Он же видел эти впалые чернеющие глаза на мраморном лице на высоте третьего этажа. Альфред вцепился в редкие волосы, впился ногтями в лысеющую макушку. Он сделал несколько шагов в темноту, ступил на скрипучую ступеньку и неожиданно побежал назад в дом. Выходить на улицу без оружия – полное сумасшествие.

Альфред запер высокие двери и неровной походкой отправился назад в кладовку. Лишь слабый лунный свет освещал коридор. Мужчина вернулся, отпер дверь, поднял лампу и вновь засеменял к кладовке. Он слюнявил губы, наткался на углы. Открывал ящики, но в них оружия больше не было. Впрочем, оно вряд ли бы помогло. Он же видел, что они сделали с его отцом.

Альфред поскуливал от отчаяния. Его Дороти ходит в темноте, где и эта тварь. Он побежал в гостиную. Забрался с ногами на дорогой диван, что Дороти притащила из Франции, и отодрал со стены крест.

Он не слишком помнил, как оказался только с этим крестом посреди ночной темноты. Ноги были влажные, пяткой он вдавливал белый халат в рыхлую землю. Было слышно,

как мужики перекрикивались между собой. Глаза метались, нижняя губа дрожала, а рука так крепко держала крест, что ногти до крови впились в ладонь.

Это было безумно даже для самого Альфреда.

Глава 1

Апрель, 2013

В коридоре слышались беготня и визги младшекласников. По стеклам все еще бил дождь, начавшийся ночью. Джули-Лу подпиливала ногти, пока Бетт сидела на ее парте и играла в гонки на старенькой PSP. До начала первого урока оставалось почти пятнадцать минут. Хотелось завести какой-то разговор, отвлечься от мыслей о грядущей контрольной, но что нового можно услышать от Бетт? Все дежурные реплики Джули-Лу знала наизусть, а очередные истории про маразматичных родителей испортили бы настроение окончательно, прилипнув к мозгу, как вязкая грязь.

В классе было прохладно. Руководство школы считало, что в апреле необходимости в отоплении нет. Джули-Лу поежилась. Она скользнула взглядом по темной коже и мятой форме подруги, затем уставилась на черный ободок, приминавший буйные кудри, заплетенные в два колоска. Точно такой же был и у нее. Неплохая тема для болтовни: уличение в подражательстве.

Пилочка соскочила с ногтя и ткнула в ладонь, отчего Джули-Лу резко вдохнула. Она была словно в дне сурка, нервы к концу года стали планомерно сдавать. Хотелось столкнуть

Бетт с парты, сказать, что эта привычка бесит ее с первого дня их дружбы, но сил хватило лишь на уничижительный взгляд, который остался никем не замечен.

В класс зашла Клэр. Эта улыбка и бодрое выражение лица утром понедельника всегда вызывали в Джули-Лу недоверие. Блондинка бросила сумку на первую парту и радостно подскочила к подругам.

– Доброе утро! – воскликнула она, и от громкости ее голоса Джули-Лу поморщилась. – У меня для вас новость месяца! Приготовьте свои самые удивленные лица!

– Мы все в нетерпении, – не отвлекаясь от своего занятия, пробубнила Джули-Лу.

– Тогда слушайте! – радостно взвизгнув, начала она. – Дом Гастов, ну этих, в Мглистом бору, не забросили и продавать не будут. На выходных туда переехала его семейка, в том числе внучка, наша ровесница, представляете?

– Откуда они переехали? – уточнила Джули-Лу, ювелирно выпиливая ноготь на мизинце и стараясь не подать виду, что сердце заколотилось от интереса.

– Из Нью-Дарши. Не исключено, что сегодня она придет в школу.

Джули-Лу подняла бровь. Нью-Дарши – столица, большой город. Там другая жизнь, другие люди. Она знала это из фильмов.

– Лучше бы бросили дом, – Джули-Лу убрала пилочку в пенал, откинула длинные черные волосы с плеч и наконец

подняла взгляд на Клэр. – Не могу представить, что может заставить переехать из Нью-Дарши в такую дыру, как Мид-найт Хилл.

– Не хватало нам городской цацы, – пренебрежительно фыркнула Бетт, обгоняя спорткары на экране.

Джули-Лу закатила глаза, а Клэр неуверенно сдвинула брови.

Дверь класса распахнулась. Миссис Флеминг в привычном серовато-коричневом балахоне стремительно подошла к преподавательскому столу, бросив на него стопку бумаг. Небрежный пучок с седыми прядями завалился набок, а бледно-зеленые глаза оживленно обводили взглядом присутствующих. Джули-Лу заметила в коридоре незнакомую девушку. Неужели и правда новенькая?

– Ребята, все собрались? – миссис Флеминг одернула длинную юбку с карманами и пригладила волосы.

Джули-Лу обернулась и быстро посчитала учеников.

– Нет только де Лордесов, миссис Флеминг.

– Будем их ждать – состаримся, – устало махнув рукой, ответила учительница и вдруг слегка улыбнулась. – Ребята, сядьте на места, пожалуйста, – после многочисленных передвижений, она продолжила. – Рада представить вам новую ученицу вашего класса – Мелиссу Санлайт.

Миссис Флеминг помахала, приглашая девушку зайти. Та немного сконфуженно подошла к доске. Ее изучали десятки глаз. Джули-Лу от волнения прикусила щеку. Вьющиеся во-

лосы торчали пушистой метлой из высокого хвостика. Широкая клетчатая рубашка, заправленная в шорты на высокой талии, грубые бордовые ботинки, кожаный рюкзак – от нее буквально несло большим городом. На фоне безликих учеников в одинаковой школьной форме, потертой доски, старого паркета и низких потолков она смотрелась совершенно не к месту. Как она только додумалась заявиться в таком виде в школу?

Мелисса старалась улыбаться, скользя взглядом по лицам новых одноклассников. Их было около пятнадцати человек, большинство девочки. Она чувствовала, как одноклассники с неподдельным интересом разглядывают каждый сантиметр ее тела, словно ученые, которым привели для исследований самого настоящего инопланетянина.

– Расскажи о себе, – послышался голос миссис Флеминг.

Мелисса дернула головой в ее сторону, на лице на мгновение появилось недоумение, а потом снова неловкая улыбка.

– М-м-м, ну я-я-я... – девушка поправила на плечах рюкзак, – Мелисса. Санлайт. Из Нью-Дарши. Только на выходных приехала, еще не успела освоиться, – Мелисса задумчиво приоткрыла рот, размышляя над следующей репликой. – Я ненадолго тут, но надеюсь, мы поладим. Вот.

Она как-то неуклюже поклонилась. Поначалу класс молчал, не сводя глаз с новенькой, а потом зашептался.

– Щекастая, – тихо бросила Бетт за спиной Джули-Лу. Та присмотрелась, неосознанно коснувшись скул. Щеки и прав-

да были довольно пухлые, и ямочки на них почти не исчезали.

– Думаю, можешь садиться, – сказала миссис Флеминг. – Свободные парты только в конце, так что...

Мелисса кивнула и проследовала в конец класса. От ее шагов пол поскрипывал. В кабинете было четыре ряда односторонних парт, девушка выбрала один из центральных. Некоторые ученики подспудно следили за ее передвижениями, другие открыто. Мелиссе было неловко перед ними за свой ухоженный вид, аксессуары, даже за интеллектуальные способности. Она полагала, что жители Миднайт Хилла не обладают теми благами цивилизации, в которых она счастливо росла. У Мелиссы не было шансов слиться с толпой. Девушка села за парту, повесила рюкзак на спинку стула и достала тетрадь.

– Ах да, Мелисса! – она взметнула брови на оклик учительницы. – Это Джули-Лу Притс, наша староста, – указав на ученицу с длинными волосами и точеными скулами, произнесла миссис Флеминг. Та, в свою очередь, помахала ей. – Если будут какие-то вопросы, можешь подходить к ней.

Во время урока алгебры Мелисса почти ничего не записывала. Она рассматривала спины в белых рубашках. Перед ней сидел невысокий парень, он все время ерзал. Слева девочка с двумя косичками постоянно косилась в сторону Мелиссы и пугливо отводила взгляд, когда та это замечала. Справа, в ряду у стены, длинный парень с квадратным лицом

что-то нервно зачеркивал. Далеко впереди, за первой партой у окна, староста – осанистая, с приятным низким голосом. Кончики прямых шелковистых волос касались поверхности стула. Тетради, учебники и всякая канцелярия лежали на ее парте аккуратными стопками. Миссис Флеминг сверяла с ней результаты и вызвала к доске, чтобы разобрать сложный пример. Джули-Лу уверенно водила мелом, выписывая каллиграфические цифры и формулы, кажется, не замедляясь, чтобы подумать. Мелисса даже стала вникать в происходящее, чтобы сравнить, смогла бы она так быстро додуматься до решения, как это делала староста в захудалой местной школе.

Джули-Лу закинула ногу на ногу, заломила новый разворот тетради и поплотнеехватила ручку в медном корпусе. Она старалась не отвлекаться на новенькую, хоть та и вытесняла мысли о математике. Внутри трепетало от предвкушения чего-то свежего в тягучих буднях. Джули-Лу знала, что после звонка новенькая сама подойдет к ней.

– Привет, – произнесла Мелисса, убрав за ухо маленькую вьющуюся прядку, что не продержалась там и нескольких секунд.

Джули-Лу довольно обернулась. Бетт и Клэр, обычно мгновенно оказывающиеся рядом после звонка, теперь настороженно держались на расстоянии от новенькой. Другие одноклассники не спешили расходиться, настроив уши-локаторы в сторону первой парты.

– Привет, – староста убирала в сумку тетради и старалась как можно незаметнее рассмотреть черты лица собеседницы. Нос картошкой, с горбинкой, кожа вся в каких-то пятнах: то ли веснушках, то ли прыщах.

Джули-Лу выпрямилась, оказавшись заметно выше Мелиссы. Юбка у старосты была короче, чем у других девочек, а гольфы, напротив, выше колена, в то время как у всех остальных – ниже.

– Покажешь, где следующий кабинет? – ямочки на щеках Мелиссы углубились от стеснительной улыбки.

– Соседний, – дружелюбно ответила Джули-Лу, накинув на плечо ручку сумки.

Мелисса потупилась. Густые брови Бетт недовольно сошлись на переносице. Если бы не заинтересованность учеников, которые будто ждали отмашки, чтобы накинуться на новенькую с вопросами, она бы уже грозным тоном предложила Мелиссе пошевелиться.

Мелисса сжала губы и уже было дернулась в сторону выхода, как вдруг Джули-Лу произнесла:

– Но мы можем пообщаться о чем-то более информативном.

Одноклассники нестройной вереницей переместились в соседний кабинет физики, пряча от Мелиссы любопытные взгляды. Ей прекрасно было знакомо ощущение отсутствия интереса со стороны одноклассников, потому она разгадывала это притворство, как опытный детектив мелких воришек.

Вскоре, благодаря дружелюбию Джули-Лу, ученики перестали стесняться и облепили новенькую со всех сторон. По их взглядам Мелисса не понимала, была ли она медом для пчел или навозом для жуков.

– Бабушка и дедушка жили в этом доме. Я их почти не знала, иногда приезжала в детстве. Несколько лет назад бабушка умерла, а недавно ушел из жизни и дедушка. Нам остался дом. И... – Мелисса пару мгновений изучала потолок, – из-за проблем с деньгами мы переехали сюда.

– И надолго к нам?

– До конца лета. Надеюсь.

Вскоре парень, представившийся Микки, договорился поменяться с Мелиссой местами. Он сидел на третьей парте, не так далеко от Джули-Лу. В то время как ученики все шептались за спиной, боялись сказать Мелиссе слово и не могли перестать рассматривать на ней каждую деталь, староста смотрела открыто, участливо кивая под рассказ Мелиссы.

– У нас не так, как в большом городе, – забросив ногу на ногу, говорила Джули-Лу. – В классе человек по пятнадцать. В Миднайт Хилле осталось не так много детей, все стараются уехать. Особенно молодежь. Зато вроде как похоже на частное обуче...

– Че это у вас тут? – нагло перебил кто-то Джули-Лу. – Мухи слетелись на лепешку?

Долговязый парень с размаха бросил рюкзак на вторую парту ряда у стены, чуть не попав одной из девушек по голо-

ве. Когда та возмущенно вылупилась, он всего лишь пренебрежительно махнул рукой, прогоняя ее. Растрепанные короткие волосы небрежно свисали на лоб и в свете ламп казались почти белыми. Рубашка навыпуск, галстук кое-как болтался, брюки мятые – образ казался завершенным. Одноклассники попятились к соседним партам, искоса поглядывая на парня. За его спиной показался широкоплечий школьник с копной медно-рыжих волос почти до плеч, скрывавшей черты его лица. Он бережно положил вещи на первой парте, игнорируя происходящее.

Джули-Лу, не оборачиваясь на них, закатила глаза и негромко сказала Мелиссе:

– Наши местные... – повернутый у виска палец красноречиво закончил фразу за старосту.

Мелисса улыбнулась и осторожно посмотрела на белокурого юношу. Он уже вовсю на нее тарасился. Светлые озорные глаза пробежались от макушки до носков ботинок.

– У нас новенькая? – с широкой улыбкой спросил он.

Джули-Лу резко развернулась, откинув волосы с плеч.

– Приперлись бы вовремя, все бы знали.

– Такими всезнайками, как ты, нам не стать.

– Ха-ха.

Звонок прервал их пререкания.

По физике была контрольная, которую Мелиссе разрешили не писать. Появился час на анализ того, как проходит ее первый день в школе. Кроме Джули-Лу, никто толком не го-

ворил с ней, хотя все явно проявляли интерес. Она замечала, как одноклассники рассматривают ее обшарпанный черный маникюр, плетеный браслет, тетради, а кто-то вообще не мог оторвать взгляда от оголенных бедер. Девушек они будто оскорбляли, а у парней подстегивали воображение, хотя школьная юбка была ненамного длиннее. Видимо, следовало надеть джинсы. Что еще стоило ожидать от полузабытого Миднайт Хилла? Старая школа наверняка раньше являлась церковно-приходской – на территории стояла часовня, а в главном здании, выложенном из красного кирпича, была башня с крестом на шпиле и колоколом, звон которого, как объяснила Джули-Лу, возвещал о начале первого урока, окончании последнего и обеденном времени.

В каждом классе три высоких узких окна. Свет почти не проходил через них, то ли из-за грязных занавесок, то ли из-за заляпанных стекол. Было темнее, чем в обычной школе, а парты оказались неудобные, узкие, покатые. Паркет с потертыми дощечками натужно скрипел сотнями разных звуков. Думалось, что можно создать мелодию, порхая по классу в утонченных па.

На следующем уроке Мелисса заносила что-то в тетрадь, но не видела в этом особого смысла. Через пару месяцев конец учебного года, школьные каникулы, и совсем скоро ее здесь уже не будет. Даже имена одноклассников она пропускала мимо ушей. Этот нелепый период жизни хотелось просто перемотать, не углубляясь в происходящее. Чуть-чуть

подождать, и она снова сможет тусоваться с друзьями в Нью-Дарши. Нужно просто немного терпения.

Телефон почти не ловил сеть. Это произошло, как только они с мамой в пятницу проехали указатель «Добро пожаловать в Миднайт Хилл!». Мелиссе тогда показалось, что горы вдоль дороги словно потемнели, деревья обсохли и облезли, а дождь усилился, издевательски приветствуя старых знакомых. Безучастно листая меню смартфона туда-сюда, девушка жалела, что когда-то удалила игры.

Мелисса почти не выезжала за пределы Нью-Дарши, но вряд ли это была единственная причина, по которой местные казались такими странными. Никто не копался в телефонах, у девочек была какая-то странная мода на глупые заколки, а все парни выглядели обросшими и лохматыми. Преподавательница будто только явилась из столетней консервации и даже не успела расчесаться. Темное подкрученное каре, пристальный взгляд через стекла очков и белая блуза с пышным волнистым воротником, заправленная в юбку-карандаш: казалось, что хрупкая и низкая миссис Плом подражала своей первой учительнице. Материал, который она преподавала, ощущался чуть свежее, чем ее ампула.

А потом один паренек сломал о доску мел, и кусочек укатился под учительский стол.

– Ох, покойник зайдет в гости, – произнесла миссис Плом, и никто не обратил на это внимания, в то время как Мелисса сморщилась от недоумения.

Девушка незаметно разблокировала телефон, вбила в поисковой строке: «примета покойник придет в гости мел», но сеть все также была недоступна. Подняв глаза от звука наигранного першения, Мелисса увидела на себе взгляд миссис Плом, полный такого же дикого недоумения, какое было несколько мгновений назад на ее собственном лице.

Одноклассники стали оборачиваться, а Мелисса медленно убрала телефон в карман.

– В школе принято учиться, а не звонить, не так ли?

– Извините, – Мелисса сжала губы, в мыслях возразив учительнице, что телефон уже давно не только для звонков. Незаметно для себя она стала сползать под парту от строгого взгляда.

Мелисса зыркнула в сторону Джули-Лу. Та невозмутимо наблюдала, подперев ладонью подбородок.

– Городская девчонка решила позвонить в Дом.

Фраза белокурого парня вызвала среди учеников непонятный для Мелиссы смех. Только Джули-Лу закатила глаза, повернувшись обратно. Парень сидел совсем рядом, в соседнем ряду, на парту ближе к доске. Озорные голубые глаза-прожекторы впились в Мелиссу. Очень яркие глаза. Понять бы еще, в чем заключалась шутка.

Следующей шла литература. Учительница несла сексистскую чушь, актуальность которой была под вопросом еще в прошлом веке. Пожилая женщина была очень мила, почти сюсюкала с новенькой, разрываясь от интереса. Полная,

с крупным носом, седым высоким начесом и шаркающей походкой, миссис Окс почти не отходила от парты Мелиссы. Девушка старалась молчать в тряпочку, логично полагая, что, если начнет умничать, ее заклюют. С такими консервативными взглядами спорить не о чем. Мелисса просто кивала и улыбалась. Только подпрыгивающие брови выдавали в ней несогласие с тем, что блаженно лепетала миссис Окс. К счастью, вскоре она устала стоять, вернувшись за свой стол.

Мелисса стала наблюдать за блондином. Из-за высокого роста угловатые колени упирались в низкую парту, а ступни пролезали под стол спереди. По всей вероятности, его литература нисколько не интересовала. Он постоянно шептался с рыжим другом и играл с канцелярией, ловко вращая между пальцев с разбитыми костяшками карандаш. Это зрелище увлекало Мелиссу сильнее любых сентенций миссис Окс.

Юноша словно почувствовал, что его изучают, и обернулся с лукавым прищуром. Мелисса опустила глаза и услышала шепот:

– Соблазняешь меня, новенькая?

Мелисса тут же отдернула руку от кудрявой пряди, которую по привычке наматывала на палец, и резко перестала увлеченно кусать сухие губы. Ребята с соседних парт оглянулись на нее, хихикая. Второй раз за день этот обломок телевышки подшучивал над ней.

«Если этот дурачок – ваш местный шутник, то все очень плохо», – думала Мелисса.

Реакция его весьма позабавила. Голубые глаза пытались снова поймать взгляд Мелиссы, но она упорно пялилась в окно, подперев рукой щеку. Впрочем, это не остудило пыл парня. Он вошел в раж: стал постоянно отвлекать своего друга и смеяться. Их поведение выходило за рамки приличия, а потом и равновесия – блондин вдруг загоготал в полный голос и, откинувшись на стуле, чуть не упал.

– Так, все, довольно! – взревела миссис Окс, за долю секунды обратившись из божьего одуванчика в тюремного надсмотрщика, и, брызжа слюной, понеслась к его парте. – За последние несколько дней ты уже третий раз срываешь мне урок! Недоумок ты чертов! Бестолочь! Из тебя ничего путного не вырастет! Будешь мусор на свалках разбирать! Можешь прямо сейчас выходить и начинать!

Парень беззвучно трясся от смеха и не мог остановиться, словно ничего не слышал. Учительница резко вцепилась крючковатыми пальцами в его ухо и поволокла к двери. Мелисса вжала голову в плечи от грохота упавшего стула и скрежета парты по паркету.

– Глухой? Сказала – пошел вон из класса! Будешь драить школу неделю, хоть какая-то польза будет.

Сцена врзалась в сознание Мелиссы, как машина на краш-тесте, но жирным зарубком оказалась реакция юноши:

– Что ж вы меня перед новенькой так подставляете-то, миссис Окс! – и веселый взгляд.

Дверь захлопнулась.

– Ты будешь помогать ему! – яростно ткнула пальцем в рыжего женщина. – Ох, де Лордесы, бестолочи. Брали бы пример со старшего брата.

Ухмылка юноши не выходила из головы Мелиссы. Она прикрыла ладонью лицо, чтобы скрыть шокированный взгляд. Парень не в себе? Или тут такое часто случается? Оставалось надеяться, что горох и розги в Миднайт Хилле больше не в ходу.

Зазвонил колокол. Мелисса не ходила в церковь, поэтому непривычный звон словно омыл легкие. Пришло время идти на обед в столовую. Прохладными пальцами она схватила ручку рюкзака и поспешила за старостой. Та одобрительно кивнула и уступила место по правую руку, твердым жестом остановив Бетт. Черные глаза наполнились недоумением, а затем и враждебностью. Когда все вышли из класса, Бетт грубо влезла между подругами, вынудив Клэр попевать слегка позади, ведь школьный коридор был слишком тесным для четверых. Мелисса вовсе не хотела рушить чьи-то отношения, но спокойствие и уверенность, излучаемые Джули-Лу, внушали, что все ровно так, как надо.

От событий дня у Мелиссы немного крутило живот. Без преувеличения каждый ученик останавливал на ней взгляд. Она была без формы. словно пятно от кетчупа на парадной белой рубашке. Или... кристально белый клочок на форме шахтера. Сравнение более уместное, ведь откуда взялся кетчуп на рубашке – хотя бы можно объяснить.

За дверями в столовую располагался светлый просторный зал с высокими сводчатыми потолками и узкими окнами. Справа вдоль стены тянулась очередь из голодных школьников с подносами. Белые столы и стулья на тонких ножках, беспорядочно расставленные по столовой, то и дело скрипели от трения по плиточному полу. В плотном облаке запахов выбивался пряный аромат томатного соуса.

– Кто это?

– Смотри, она без формы.

– Я ее раньше не видел.

Шепоты навязчивыми помехами звучали в ушах Мелиссы. Неужели появление нового человека в этой школе считается таким ярким событием? В Нью-Дарши даже не все одноклассники обратили бы внимание на нового ученика.

Эмоции отдавались спазмами в животе все сильнее. Немного подташнивало. Столик, негласно закрепленный за компанией Джули-Лу, стоял у стены рядом с выходом. Бетт села напротив Мелиссы, изрядно испортив аппетит своим сверлящим взглядом. Мелисса рассматривала макароны с томатным соусом и миску с салатом, ингредиенты в котором были крупно нарезаны, будто повар с завязанными глазами махал над овощами топором. Она пыталась крутить вилку между пальцев, пока девушки обсуждали домашнее задание на следующий урок. Судя по всему, только Джули-Лу подошла к его выполнению ответственно. Мелисса изучала окружение, нехотя поднося еду ко рту. За столиком в дальнем уг-

лу белела знакомая макушка. Рядом с ней рыжела другая. А с ними за столом лицом к девочкам сидел еще один парень – фарфоровая кожа бледнела на фоне длинных черных волос, а взгляд был направлен точно на Мелиссу.

– Как их зовут? – вставила среди разговора она, когда незнакомец отвел беззастенчивый взгляд.

Клэр обернулась в направлении взгляда Мелиссы, а Бетт недовольно сморщилась, сжав в руке стакан с соком.

– Де Лордесы, – тем не менее низким голосом ответила староста. – Местные... изгой. Они братья. Белобрысого зовут Ламмерт, он самый младший. Полный идиот. Рыжего – Хьюго. А третий – старше их на год, учится в выпускном классе. Роланд. Крайне странный. Вроде мозгов столько, что они каждую бочку в школе затыкают, но вид и поведение у него... Видишь, галстук красный? Такие только отличникам в выпускном классе дают.

– Почему они изгой?

Джули-Лу оперлась подбородком о руку, и задумчивый взгляд устремился к сводам каменного потолка.

– Ну как тебе сказать... За ними тянется шлейф из странных историй с начальной школы. У них с головой что-то не так.

– Можно не портить мне аппетит разговорами об этих отбросах? – агрессивно фыркнула Бетт и с громким хлопанием выпила сок из стакана.

Клэр невольно дернулась, поправив светлые волосы. Ме-

лисса пыталась выстоять под тяжелым взглядом Бетт, но, проиграв, замолчала, положила вилку и больше ее не трогала.

Джули-Лу наблюдала за ситуацией из-под полуприкрытых век. Разнообразие в рутине вызывало у нее восторг.

– Видишь, у него термос в руке, – наклонившись к Мелиссе, продолжила Джули-Лу. Та кивнула, внимательно рассматривая старшего из братьев. – Мы с девочками думаем, что у него какой-то успокоительный чаек там. Он в вечном астрале.

– Он такой бледный и жуткий! – подвывала Клэр. – Такой взгляд еще. Вообще с ним стоять рядом страшно. Он как зомби какой-то. Может, он наркоман.

– Да он в этом термосе себе дрянь какую-нибудь от нервов разводит, – подключилась Бетт. – Он же ничего больше не жрет. На антидепрессантах сидит, в такой-то семейке, вы только на лицо его посмотрите.

Лицо Роланда с кругами под глазами было направлено на их столик. Он говорил что-то, почти не раскрывая рта. Бетт и Клэр захохотали, а пухлые губы Джули-Лу растянулись в улыбке.

Роланд сделал последний глоток, встал из-за стола, оставив братьев, и нескорым шагом отправился к выходу. Он убрал черный термос в сумку. Девушки за столом высмеивали каждый его жест и делали это тем громче, чем ближе он подходил. Роланд не мог не слышать оскорблений, но от

него веяло холодом и безразличием. Высокий и стройный, он прошел мимо с горделивой осанкой. Мелисса позавидовала его самообладанию. Он бросил в их сторону лишь один пронизывающий взгляд, от которого Джули-Лу осеклась. Когда Роланд скрылся из виду, она недовольно фыркнула.

– Ты чего не ешь? – спросила староста.

Мелисса не сразу поняла, что она обращается к ней, все еще удивленная такой резкой сменой в ее характере. Она опустила взгляд на почти полную тарелку.

– Не хочется.

– В нью-даршинских школах побогаче кормят?

– Лобстерами, – недовольно бросила Бетт и с шумом отодвинулась на стуле, чтобы уйти.

Бывшую школу Мелиссы не назовешь святой. Но эта, по иронии располагавшаяся под покровительством церкви, была мерзкой. Начало подташнивать сильнее.

Ламмерт де Лордес тоже считал эту школу мерзкой. Однако что-то необъяснимым образом изменилось, как только он заметил сегодня взгляд синих глаз новенькой. Поэтому, как только юноши увиделись на обеде, Ламмерт с нетерпением рассказал новости брату.

– Новенькая? – переспросил Роланд.

– Да, вон у того столика, видишь? С кудрявым хвостиком, глазами такими синющими. И ямочками, – подсказывал он, сам с интересом рассматривая Мелиссу Санлайт.

– Отсюда мне не видно глаз и ямочек, – скептически ото-

звался брат. – Зато видно, что она без формы.

– Ну и как тебе?

Роланд сделал глоток из термоса. Он пристально рассматривал девочку в клетчатой рубашке, которая вдруг и сама взглянула на него.

– Милая, правда? – не унимался Ламмерт. – Что думаешь?

– Успокойся, Лам, – со смешком сказал Хьюго, старательно накалывая макароны на вилку.

– Вот что я тебе скажу, – произнес Роланд спустя некоторое время. – Хочешь, я вправлю тебе мозги? – он ткнул пальцем в лоб брата. – Внимательно посмотри, с кем она сидит за столом, – Ламмерт обернулся. – Видишь, да? Она примкнула к компании Притс.

В этот момент Джули-Лу, Бетт и Клэр громко засмеялись.

– Даю руку на отсечение, что они смеются над нами. А теперь представь, какого мнения о нас твоя городская красавица, – Роланд залпом допил содержимое термоса. – Позволю себе дать совет: хочешь романтики, посмотри мелодраму, а к этим пираньям не лезь, а то что-нибудь откусят, – с пренебрежением закончил он.

– Да какая там... романтика, – угрюмо буркнул Ламмерт.

– Вот и отлично.

Роланд неспешно поднялся из-за стола. Подавленный Ламмерт отвел взгляд от чужого столика. До его ушей доносились мерзкие слова в адрес Роланда. Он опустил глаза и с досадой сжал вилку.

– Ну а ты? Что думаешь?

– Не знаю, – пожав плечами, ответил Хьюго. – Посмотрим.

Глава 2

– А потом они начали поливать его грязью, и мне стало так противно. Я разочаровалась в этих девчонках. Не представляю, с кем буду там общаться.

Грейс Санлайт вела машину и печально кивала на рассказ дочери о первом дне в новой школе. Худые пальцы в кольцах лишь слегка касались руля, а синие глаза устало шурились в поисках поворота.

– По поводу миссис Окс, – вспомнила она, сворачивая с широкой дороги. – Она еще мне преподавала литературу. Всегда была безумной бабушкой.

– Она всегда была бабушкой? Может быть, она оборотень?

Женщина усмехнулась.

– Не так много лет прошло, Лисса, с тех пор как я училась. Я видела только одного динозавра, и это миссис Окс.

Они выехали из центральной части города, и теперь за окном виднелись горы, окольцовывающие Миднайт Хилл, сухая осока вдоль узкой асфальтовой дороги да сосны чуть поодаль. В центре города невысокие каменные здания XIX века теснились друг к другу плотными шеренгами. Это однообразие разбавлялось единственным на всю округу стеклянным супермаркетом рядом с заправкой. А дальше, в бывшем пригороде, куда и мчалась машина семейства Санлайт, трех-

этажные деревянные дома стояли одинокими развалюхами на многие километры вокруг.

Напротив их мрачного особняка с протекшей крышей виднелся такой же одинокий дом. Из него юноша и женщина наблюдали за тем, как пыльный красный седан остановился у соседнего дома, и оттуда, смеясь, вышли женщина и девочка.

– Они сюда жить приехали? – прозвучал хрипловатый тенор. – Я думал, так, на выходные, стариков помянуть.

– Может, хотят вещи увезти, – отозвалась женщина из-за плеча парня, вглядываясь в мутное стекло.

– Днем привозили коробки.

Женщина промолчала.

– Что будем с ними делать?

И вновь нет ответа.

Мелиссе показалось, что шторка в окнах соседнего дома пошевелилась.

– Мам, а соседи здесь все еще живут?

– Не знаю, – отозвалась та с крыльца. – Я их не видела, но дом не выглядит заброшенным.

Сегодня они разбирали коробки с вещами. Мелисса переносила одежду и творческие принадлежности в комнату наверху, которая раньше была гостевой. Посередине стояла широкая кровать с балдахином. Мелисса когда-то мечтала о такой, но эта была сырая, скрипучая и с затхлым запахом. Напольные часы, загораживающие дыру на обоях, громко тикали. Письменный стол, дубовый гардероб со скрипучими

дверями и пыльными полками, заваленными постельным бельем, которым уже никто никогда не воспользуется, мутное окно с видом на соседский, не менее мрачный, дом – вот и вся обстановка. Мелиссе будет сложно привыкнуть. Кругом чувствовалась сырость, от старости все шумело и сквозило. Даже пушистые пледы и множество маленьких подушек не украсили бы эту печальную картину.

Все казалось застывшим во времени: и эта комната, и этот дом, и сам этот чертов город. Мелисса приезжала сюда последний раз, когда ей было лет восемь. Она не могла ничего вспомнить, пока снова не увидела особняк. Все было неизменным, словно кадры из какого-то ретрофильма 50-х. Ковры, шторы, посуда, стеллажи, пыльные диваны, покосившаяся изгородь, оплетенная диким виноградом, узкая веранда с треснувшей доской – все на прежних местах, как в детстве. Самое жуткое, что жители словно тоже находились в этой консервации.

– Я нашла свой старый магнитофон! – воскликнула Грейс, появившись в проходе с убранными косынкой короткими волосами и в атласной пижаме.

– Вот это раритетище!

– Хватит старить свою мать, лучше пойдем на чердак и найдем мои кассеты.

Мамины ноги дрожали, взбираясь по чердачной лестнице. Сверху сразу же потянуло холодом и сыростью. Мелисса пожалела, что не накинула на себя что-нибудь. Одинокая люст-

ра осветила желтым коробки и потертые стеллажи с ящиками и инструментами. Под покатой крышей умещались детская кроватка, велосипед и кресло, чья обшивка с восточным узором шла дырами, оголяя деревянный каркас. Стены сквозили, ветер призрачно завывал. Миссис Санлайт уперла руки в бока, осматриваясь, а затем с досадой заметила, что этой бесполезной коллекции предметов самое место на свалке. Чтобы не углубляться в исследование хлама, мама целенаправленно отправилась к каменному дымоходу, возле которого расположились ящики и свернутые ковры. Вскоре на первом этаже среди коробок с новыми вещами оказались пыльные – со старыми. Женщины семейства Санлайт зарылись среди них, перебирая музыку молодости Грейс.

Мелисса сделала какао, приготовила тосты, мама достала из запасов бутылку вина. С бокалом и сэндвичем женщина ходила по старому дому и напевала мимо нот давно забытые песни. Уборка обещала протекать крайне неспешно и спокойно.

На полу Мелисса разложила синий флисовый плед, посчитав, что не зря они с мамой в выходные начали свои хлопоты с упорного мытья полов. Размякшая от обстановки и звуков музыки, она нежно теребила ворсинки пледа и перебирала кассеты.

– А разве в то время еще не было дисков?

– Дорогая, не уверена, что в Миднайт Хилле сейчас появились диски.

– Очень мило.

Пальцы с облезлым лаком коснулись кассеты в упаковке с надписью «для Грейс», разрисованной сердечками.

– Ма-а-а-а-ма, я нашла кое-что очень занятное, – Мелисса постукала ногтем по имени. Ямочки появились на щеках от заговорщической улыбки.

Миссис Санлайт аккуратно положила последний кусочек сэндвича в рот, взяла кассету из рук дочери и вдруг замерла. Кончики губ дрогнули, брови расправились.

– Поставь ее, детка. Сейчас ты услышишь любимые песни своей мамы.

– Кто ее подарил? – поинтересовалась Мелисса, запихивая кассету в магнитофон.

В воспоминаниях Грейс за окном хищно заревел мотор. «Опять этот отпрыск Майлзов приехал за тобой, Грейс!» – словно услышала женщина недовольный голос матери, как двадцать лет назад, а сама произнесла:

– Один знакомый.

Под звуки рока из девяностых они вскрывали привезенные из Нью-Дарши коробки, рассовывая их содержимое по шкафам и полкам. Мелисса, пританцовывая, резала скотч на коробках – одну за другой – пока из очередной не достала стеганое пальто и беспокорно нахмурилась.

– Мам, а зачем ты привезла зимние вещи? Мы же здесь только до конца лета.

Женщина сделала глоток вина, задорные огоньки в глазах

погасли.

– Боюсь, что нет.

– В смысле?

– Твой папа... – говорила она, опускаясь на диван, на котором почти не осталось свободного места из-за коробок, – не сможет заработать достаточно денег, чтобы выкупить из залога нашу квартиру.

Мелисса задышала чаще. Тонкие пальцы миссис Санлайт ухватили горлышко винной бутылки, выливая остатки в бокал.

– Но он же и так целыми днями работал, и сейчас дома не появляется. В итоге этого недостаточно, чтобы выкупить квартиру?

Грейс закрыла уставшие глаза.

– Жизнь сложнее, чем ты думаешь.

Мелисса вздохнула и, сидя на полу, откинулась на створки резного гардероба. Обе молчали какое-то время, музыка из магнитофона показалась чрезвычайно раздражающей в возникшей атмосфере. Грейс встала с дивана и вытащила кассету. Как только песня стихла, комнату наполнил барабанный стук дождя.

– Сколько нам здесь еще жить?

– Я не знаю, Лисса, вариантов переехать пока нет.

– Мы теперь жители этой дыры?

– Боюсь, что так.

– Мне надо будет оканчивать эту тупую школу?

– Придется.

– Я не увижусь с друзьями еще черт знает сколько, и мне придется общаться с этими... «этими»? Из школы?

– Уверена, там есть и хорошие ребята.

– Это же просто конец, – на глаза навернулись слезы. Мелисса сделала паузу, чтобы продолжить. – Папа нам этим жизнь сломал. Тем, что он вообще заложил квартиру.

Грейс держала в руках кассету, разрисованную сердечками, и незаметно для себя горестно кивала.

– Мы не можем судить твоего отца за это.

– Неужели? – Мелисса резко подскочила и вперилась в лицо матери. – А кто? Бог осудит?

Она показательно покинула гостиную и с громким топотом поднялась в свою новую комнату. От хлопка дверью следа дрогнула в уголке глаза Грейс, после чего женщина залпом осушила бокал.

Мир Мелиссы гнил. Губы тряслись от злобы на отца. Его и так почти никогда не было рядом. Он работал для семьи, чтобы теперь эта самая семья жила в заброшенной дыре, из которой даже позвонить не всегда возможно? Неудачник. А мама – неудачница, потому что выбрала его.

Идиотские напольные часы долбили по мозгу. Мелисса распахнула стекло и схватила маятник. Гребаный Миднайт Хилл, гребаный дом, гребаная комната. Мелисса неуклюже шлепнула по резной подножке кровати, пытаясь выплеснуть злобу. Единственное, что было для нее как свет маяка, –

мысль о возвращении в Нью-Дарши. Теперь она стояла в темноте совсем одна.

К концу недели Мелисса все же получила форму, а в маршрут школьного автобуса внесли ее адрес. Теперь все хоть перестанут завистливо пожирать ее взглядом, когда мама подвозит на машине.

Когда Мелисса первый раз облачилась в белую рубашку, юбку в складочку и гольфы и завязала на шее черный длинный галстук, она не узнала себя в зеркале. Мелиссы больше не было. Была крыса, загнанная в сырой холодный подвал. Это была Мелисса без будущего, угнетенная, с мерзкими пятнами на носу, круглым лицом. Мелисса из школы, где все друг друга поливают дерьмом. Мелисса из города, где каждой собаке интересно знать подноготную другой.

Ей было до ужаса обидно видеть на себе эту форму. Она стала такой, как «эти». По крайней мере, так выглядела. Хотя даже так ее не будут считать за свою.

Мелиссе пришлось учиться. Преимущество обучения в столичной школе почти не ощущалось. Приходилось общаться с Джули-Лу, потому что она все еще была самой цивилизованной и харизматичной, хоть и высокомерно перемывала всем косточки каждый чертов день. Бетт делала вид, что пепелит лазерами из глаз беззащитную «городскую цаци», и не упускала возможности ввернуть колкость, а Клэр раздражала глупостью и постоянными чересчур восклицательными интонациями.

Мелисса не знала, чего ждать от каждого нового дня. Джинсовка с меховой подложкой не защищала ноги в гольфах от холодного ветра, который был свойственен для любого времени года в этом городе, поэтому она переминалась с ноги на ногу, высматривая школьный автобус.

Вскоре он подъехал. Внутри пахло бензином, обшивка кресел облезала на швах. Мелисса поздоровалась с Бетт и Клэр и последовала вглубь салона. Она заняла свободное место ближе к окну и приткнулась к стеклу, словно воробушек. Несмотря на сильную тряску и шум, удалось слегка вздремнуть. Спустя время что-то заставило ее резко взглянуть в проход. Над ней нависла мрачная фигура Роланда де Лордеса.

Мелисса вздрогнула. Вблизи он казался еще выше, особенно в своем старомодном черном пальто. На его лице не было никаких эмоций, только глаза, серебристые, как лезвие ножа, пристально изучали Мелиссу. Белый оттенок кожи был не тем, что принято называть аристократическим, а скорее болезненным. Будто этот парень провел половину жизни в полной изоляции в психиатрической клинике. Это нарисовавшееся вдруг прошлое Роланда подходило к его внешности и усилило тревогу, которую и без того внушила компания Джули-Лу.

Мелисса заметила, что во всем салоне есть еще одно свободное место, но старший де Лордес по какой-то причине его не выбрал.

– Эй, парень, садись уже, и поедем, – рявкнул водитель, который сонными глазами разглядывал широкую спину в пальто через зеркало заднего вида.

Роланд легко опустился на соседнее кресло. Мелисса невольно задержала дыхание, будто сам запах юноши излучал что-то опасное. Она отвела взгляд, поправила волосы и выпрямила спину. В то время как все существо Мелиссы натянулось, словно струна, Роланд выглядел абсолютно спокоинo. Его эмоции выдавали только пальцы, которые он размеренно мямл и гнул. Длинные, худые, изящные пальцы.

Мелисса разглядывала его через отражение в стекле. Роланд не смотрел в ее сторону, специально предоставив для изучения острый профиль с прямым носом. Она старалась не шевелиться, будто каждое движение привлечет его внимание. Внимание хищника. Только зубы методично обкусывали нижнюю губу.

Роланд ненавязчиво изучал ее. Он прекрасно видел скованность ее позы. Братья сидели чуть спереди и с интересом наблюдали за всей картиной, но Роланд лишь снисходительно качал головой, глядя на них.

Наконец автобус, кряхтя и скрипя, добрался до школы, и Роланд молниеносно направился к выходу. Только теперь Мелисса смогла вздохнуть полной грудью, поморщившись от плотного запаха бензина. Школьники уже покидали автобус, пихая сиденье сзади. Мелисса все пыталась сбросить с себя оцепенение. Отчасти приятное.

– В форме тебя даже не узнать, – вместо приветствия произнесла Джули-Лу, перебиравшая пальцами цепочку браслета.

Она не ездила на автобусе, потому что жила где-то в центре Миднайт Хилла. Мелисса выгнулась, пытаясь удобнее уместить тело в плотной свободной рубашке.

– Сама себя не узнала.

На литературе миссис Окс вновь сюсюкала с Мелиссой. Она пыталась вытащить из нее мнение о «Ромео и Джульетте», по которому был заключительный урок. Видимо, школьная форма возбудила новую волну внимания. Мелисса устала юлить и решила высказаться:

– Честно, мне кажется, это произведение катастрофически устарело. Разве что вражда между семьями еще актуальна. В остальном это история двух детей, которые виделись пару дней, но решили, что любят друг друга до смерти, – все ученики обернулись, заинтересованные ее ответом. Мелисса заметила, что голубые глаза справа неотрывно следят за ней. – А сколько там бесполезных трупов? Ромео убил брата Джульетты! А она больше страдала из-за ссылки «возлюбленного». Считается, что это история о настоящей любви, но на деле никто никого там не любил вообще.

В классе повисла тишина. Мелисса бы вдохновенно продолжила свой ответ, если бы взгляд миссис Окс не становился страшнее с каждым предложением. Учительница начала свое превращение из милой старушки в грозного диктатора:

– Да уж, Санлайт, лучше бы вы так и молчали. Не ожидала я от столичной школы такого узколобого мышления. Исторического контекста в ваших словах ноль! Может, если бы сейчас умели так чисто любить, современное поколение, да-да, ВАШЕ, – брызнула слюной миссис Окс, – не было бы сплошь извращенцами.

– Не думаю, что предыдущие поколения были намного целомудреннее, – скрестив руки на груди, осторожно заметила Мелисса.

– Молчать! – миссис Окс шлепнула по столу, отчего де-вушка аж подпрыгнула на месте. – Ваш грязный недалекий склад ума мне ясен, мисс Санлайт, можете больше не открывать рот.

Мелисса закатила глаза и глубоко вздохнула. В Нью-Дарши таких учителей увольняли после первого семестра. Здесь эта женщина пыталась учить жизни одно поколение за другим. Даже если мнение Мелиссы показалось ей неверным, отвечать оскорблениями непедагогично. Она была готова аргументировать каждое свое слово, но, видимо, альтернативное мнение здесь не в почете. Мелисса взглянула направо. Она решила не отводить глаза от Ламмерта сразу, как делала всегда, когда он пялился на нее. Решила проучить его, отвадить тарашиться. Но в этот раз он смотрел иначе. Восхищенно. Мелисса не отводила взгляд от голубых глаз секунд десять, но ей показалось, что за это время уже должен был наступить вечер.

Джули-Лу высказывалась о чистой любви и глубоких смыслах книги фразами из учебника, а миссис Окс млела от звука ее голоса.

– Не советую спорить с миссис Окс, – сказала Джули-Лу по пути в столовую. – У нее свой взгляд на вещи, ради хороших оценок нужно просто ей поддакивать.

– Не самое крутое качество для учителя литературы.

Джули-Лу на мгновение усмехнулась, а потом вновь стала серьезной.

– Учителя такие, какие есть. Их нужно уважать, Мелисса. Как старших. Они жизнь положили на то, чтобы дать детям знания. К тому же, – Джули-Лу смахнула волосы с плеч, – твое мнение никому не интересно.

В этот момент Мелисса подумала, что с Джули-Лу тоже лучше не спорить.

Вечером дома Мелисса пила какао и залипала в ноутбук. Она приютилась в ворохе диванных подушек на первом этаже. Здесь было приятнее и теплее, чем в ее комнате, и сюда не доносились зловещие звуки с чердака. Когда в коридоре послышались резкие хлопки дверями и недовольное ворчание, Мелисса сразу догадалась, что мама в плохом настроении. Это подтвердило и приветствие миссис Санлайт:

– Я ради того тебя воспитываю, чтобы ты меня так подвонила?

Мама сложилась пополам, стягивая второй сапог. Голова с короткими темными волосами высунулась из-за угла.

– Привет, мам?

– Потрудись мне объяснить, почему меня вызывают в школу? Прошла только неделя, Мелисса! Что ты успела на-творить?

Сапоги с шумом рухнули в прихожей, и миссис Санлайт, взмыленная и грозная, уперла руки в бока. Мелисса вытаращи-лась и прикрыла крышку ноутбука.

– А что тебе сказали? – недоуменно спросила она.

– Что ты хамишь учителям!

– И когда это было?

Миссис Санлайт возмущенно взмахнула руками.

– Сегодня, Мелисса!

– Миссис Окс, – догадалась та, закатив глаза. На удивле-ние это имя подействовало на маму как укол успокоительно-го. Она глубоко вздохнула. – Если быть точнее, это она на-хамила мне. За то, что я высказала мнение о книге, которое не совпадало с общепринятым.

Миссис Санлайт рассмеялась и рухнула в кресло.

– Ясно. Придется сходить. Сказать, что ты больше не бу-дешь и что с тобой провели воспитательную беседу.

– Я смотрю, в детстве тебя научили говорить то, что от тебя хотят услышать? – шутливо спросила Мелисса, вызвав на лице мамы недовольную гримасу.

Утром Мелисса стояла у знака остановки автобуса и кута-лась в мягкий ворот джинсовой куртки. Она думала, как бу-дет вести себя, если Роланд снова займет место рядом. Ехать

с ним вчера было очень некомфортно, но в то же время его персону вызвала жуткий интерес. Умный, гордый и... довольно симпатичный, если не брать во внимание болезненный вид. К счастью или к сожалению, сегодня Роланд прошел мимо, даже не взглянув в ее сторону.

Когда Мелисса пришла в класс, там уже сидели Джули-Лу и Бетт. Скинув вещи у парты, она поставила стул в проходе рядом со столом старосты. Сегодня на повестке дня был вызов мамы в школу, рассказ о котором Мелисса преподносила как крайнюю нелепость. Бетт улыбалась, не отрываясь от экрана PSP, а вот взгляд Джули-Лу показался Мелиссе снисходительным.

– Только не заходи в кабинет директора, – прокомментировала она в конце, – а то руки провоняют средством для уборки. Как у де Лордесов.

– Привет! – послышался голос Ламмерта из-за спины спустя мгновение.

Мелисса обернулась и застала на себе его взгляд. Он улыбнулся. Из-за его плеча выглядывал Хьюго, застенчиво поднимая руку в знак приветствия.

– П-привет, – сделав брови домиком, ответила Мелисса с несколько вопросительной интонацией.

Мальчишеская улыбка стала еще шире, а вот глаза Джули-Лу сузились. Взгляды старосты и Ламмерта сцепились, как агрессивные псы на поводках, и Джули-Лу не промедлила с репликой:

– Даже не думай, я с тобой здороваться не собираюсь.

– Я и не хочу лишний раз слышать твой мерзкий голос, – проходя мимо, парировал Ламмерт, и с шумом рухнул за парту.

– Я бы глаза себе выдавила, лишь бы больше не видеть этого глиста, – процедила Джули-Лу, массируя переносицу. Бетт недовольно сморщила нос, выражая согласие с подругой, а Клэр растерянно хлопала глазами, старательно отводя взгляд от Ламмерта.

Мелисса мельком обернулась. Ламмерт буквально выбросил на парту тетради, между бровями пролегли глубокие морщинки, но как только он заметил ее взгляд, уголок рта дернулся вверх. Мелисса отвернулась.

Во время занятий они все время косились друг на друга. Ламмерт сидел, ссутулившись, и вертел пальцами ручку – его обычное состояние на уроках. У него были мягкие черты лица, а глаза при удачном освещении светились сами собой. Кожа тоже была светлой. У Ламмерта из темного имелись только брюки с заляпанными штанинами, галстук и кеды, которые, к слову, вообще были запрещены в качестве элемента формы. Ах да, еще репутация.

Мелисса наблюдала и за Хьюго. Удивительно, как он видел сквозь свои волосы. Они приятно переливались на солнце от золотистого к медному. Хьюго был куда спокойнее и сосредоточеннее Ламмерта. В отличие от него, он старался все записывать и слушать. Никогда не вступал в перепалки

и вообще разговаривал только с братом, во время чего часто улыбался. У Хьюго была очень приятная мальчишеская улыбка. Если бы Мелисса не услышала этого «изгой» в свой первый же день и если бы ей не напоминали об этом каждый последующий, она бы забыла, почему младших братьев де Лордесов все обходят стороной.

На переменах братья старались ретироваться из кабинета как можно скорее. Мелисса же была частью цветника, высаженного вокруг парты Джули-Лу.

Староста выиграла джекпот в генетической лотерее. Об этом Мелисса думала каждый раз, когда смотрела на ее изящный нос-кнопочку, лисьи глаза с длинными ресницами и пухлые симметричные губы. Никакой подростковой куцести. Безусловно, не только природа постаралась над внешностью Джули-Лу, но и она сама. Мягкая кожа, волосы и ногти были результатом методичного ухода. Это вызывало в Мелиссе уважение. Поставленная речь, глубокий голос, женственность в каждом движении – Джули-Лу обладала исключительными красотой и харизмой, но стоило вслушаться в смысл ее речей, и сердце неприятно выворачивалось. Она отчаянно старалась быть лучшей и словно убеждала себя в том, что это получится лишь обсуждением всех подряд, будь то отошедшая на минуту Клэр или случайная ученица в коридоре. Казалось, Бетт восхищало все это, и она была готова разорвать за свою подругу любого, словно разъяренная пантера. Клэр же, скорее всего, ощущала статусность от наход-

дения рядом с Джули-Лу. Ради этого она была готова терпеть все неприкрытое снисхождение к себе.

Статус Мелиссы в компании оставался неопределенным. Джули-Лу проверяла ее на прочность и пыталась прощупать уровень своей власти. Мелиссе все это было неинтересно. На самом деле под журчащий голос Джули-Лу она часто думала о том, смогла бы она подойти к де Лордесам, если бы на перемене они были где-то поблизости.

На одном из уроков у Мелиссы закончились чернила у ручки. Сначала она пыталась расписать ее, а потом услышала тихое «пс-с» справа. Ламмерт протягивал ей новую. Не отводя взгляда от его глаз, девушка приняла ручку и кивнула в качестве «спасибо», только после этого осознав, что у нее была запасная.

Довольный Ламмерт отвернулся и даже стал что-то списывать с доски. Карандашом.

Пока Мелисса разглядывала потертые надписи на ручке и сломанный колпачок, внутри все сжалось и потеплело. Она понимала, что все нелепые шутки в ее адрес, которые он периодически озвучивал, были совершенно незлые, в отличие от грубостей, которые Джули-Лу выдавала за дружелюбие. Не хватало только запасть на парня из-за ручки. И глаз. И волос. И роста. И широких ладоней, в которых он вертел карандаш.

По пути в столовую все снова разбились по компаниям. Голос Джули-Лу звучал в ушах Мелиссы привычным лейт-

мотивом. Впереди шли братья де Лордесы. Несмотря на довольно фамильярное поведение Ламмерта, походка у него была скорая и скомканная.

Мелисса старалась обедать едой из столовой, чтобы компания Джули-Лу не посчитала ее лишней раз брезгливой. Она подтянула гольфы, заправила рубашку получше в юбку. Кто вообще придумал такую неудобную форму?

– Почему Ламмерт поздоровался с тобой? – вдруг поинтересовалась Джули-Лу, разрезая кусочек отбивной.

– Потому что одноклассники обычно здороваются друг с другом, – заметила Мелисса.

– Де Лордесы ни с кем не здороваются.

– Может, потому что в ответ получают лишь оскорбления?

Мелисса только теперь подняла на Джули-Лу взгляд. Та замерла от услышанной реплики и, видимо, обдумывала ответ.

– Они не заслужили другого отношения. Если бы изначально вели себя нормально, все могло бы быть по-другому.

– Я не уверена, кто из вас первым начал лить на другого дерьмо.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, овца, – злостно бросила Бетт, так что соседние столики стали оборачиваться и прислушиваться к разговору. Джули-Лу остановила ее резким взмахом руки.

– Ты считаешь, это я первая начала? – голос старосты звучал спокойно, но взгляд вызывал в Мелиссе тревогу.

– Я же сказала, что не могу быть уверена, – тяжесть взора было сложно вынести, поэтому Мелисса уставилась на помидоры черри, что нелепо скакали по миске с салатом от попыток наколоть их на вилку.

– Ты думаешь, наши мальчики де Лордесы на самом деле хорошие?

– У меня нет причин думать иначе.

В столовой голоса притихли. Ученики с соседних столиков стали пялиться и ухмыляться.

– Ты думаешь, что за неделю увидела достаточно? Мы учимся с ними десять лет, Санлайт, – продолжала давить Джули-Лу, и голос ее становился выше и громче.

– Я не слышала ни одной вразумительной истории. Делают странные вещи – это, по-твоему, убедительно? – Мелисса осмелилась поднять взгляд, но расправить плечи не смогла. – А если они делали что-то в детстве, что ж, мы все делали в детстве странные вещи.

– Ты лицемерка, Санлайт, – вдруг выпалила Джули-Лу, и стало понятно, что теперь за перепалкой следит уже добрая половина столовой.

Бетт довольно ухмыльнулась. Пантера была готова наброситься на жертву, в которую целилась из ружья ее хозяйка.

– Почему? – возмутилась Мелисса.

– Ты говоришь, что они хорошие, но сама не общаешься с ними? Тебе же все равно будет слабо встать и сесть за их столик сейчас? Потому что ты просто хочешь показаться

не такой как все, мол, смотрите, я никого не обижаю, кроме классиков мировой литературы.

Мелисса замерла, желание пережевывать пищу одноmomentно пропало. Метафорический кинжал Джули-Лу воткнулся в спину после слова «литература». Мелисса аккуратно выплюнула еду в салфетку и обвела взглядом столовую. Все смотрели на нее, кроме братьев де Лордесов.

– Они не страннее всех вас.

Мелисса встала со стула. Она словно в тумане вышагивала между столов в зале, направляясь прямо к де Лордесам, сопровождаемая десятками взглядов и волнами шепота.

– Вот это да, Санлайт! – услышала она уже издали. – Хоть убедишься лично, что неправа, и не будешь больше нести чушь.

Мелисса молча взяла стул у соседнего столика, с шумом поставила его со свободной стороны и села, опустив взгляд. Потом резко вздохнула и подняла голову.

Хьюго и Ламмерт словно соревновались, чей взгляд будет более ошарашенным, в то время как серые глаза старшего брата сосредоточенно ее изучали. Губы с силой сжимались в форме улыбки, чтобы остановить подступающие слезы.

– Я посижу здесь, ладно?

– Вовсе не нужно делать нам одолжение и заступа...

– Рол, – перебил Хьюго холодную реплику брата и обратился уже к Мелиссе. – Все хорошо.

– Дурдом, – под нос бросил Роланд и встал из-за стола.

Под неравномерный шепот толпы он ушел из столовой.

– Простите, – сказала Мелисса и оборвала слово, потому что к горлу подступил ком.

– Спасибо, – взгляд Ламмерта смягчился. – А Рол, он... Не обращай внимания.

Мелисса улыbnулась и закивала, не в силах ничего произнести. Она глубоко дышала и смотрела на гладкий белый стол.

– Санлайт, ты умница, конечно, но поднос мы за тобой убирать не собираемся! – послышался крик Джули-Лу.

Мелисса со злобой выдохнула и закрыла глаза. Если сейчас что-то скажет – точно расплечется.

– Заткнись, Притс, без тебя разберемся! – огрызнулся Ламмерт.

– Мелисса, посмотри-ка, у тебя уже песик появился. Одолжить намордник?

– Ладно, я правда пойду, – почти прошептала Мелисса. – Простите за это все.

– Да нет, что ты, – начал было Ламмерт, но девушка не стала его слушать и, с шумом отодвинувшись на стуле, быстро зашагала к выходу.

Стук ее ботинок смешался с шумом чужих шагов. Она подошла к столику Джули-Лу и схватила оранжевый поднос. Сок выплеснулся из стеклянного стакана, обливая гарнир и стол. Мелисса потянулась за салфеткой. Староста наблюдала за ее дергаными движениями.

– Ну что ты так разнервничалась, – Джули-Лу неуместно заботливо пыталась заглянуть Мелиссе в глаза. – Это всего лишь шутка.

Мелисса решила, что лучше промолчать, чем показать свои слезы, поэтому, даже не взглянув на Джули-Лу, вышла из столовой.

Ламмерт проводил ее взглядом, а потом уткнулся лбом в ладонь.

– Ну дела, – сказал Хьюго, доедая остатки с тарелки.

– Она правда считает нас нормальными, или... Джули-Лу права?

Хьюго задумался и широкой ладонью убрал волосы со лба.

– А мы правда нормальные или Джули-Лу права? – ответил он вопросом на вопрос. – Нельзя судить о человеке по словам Притс. Сами посмотрим, что будет дальше. Если, конечно, уже завтра Мелисса вновь не окажется за столиком Джули-Лу и не будет избегать нас старательнее.

На последнем уроке Мелисса не появилась. Она сидела в коридоре на подоконнике. Можно было бы уйти домой, но сегодня после уроков у нее воспитательная беседа в кабинете директора, на которую подъедет мама. Мелисса болтала ногами и смотрела, как сползают дурацкие гольфы. Никто никогда не травил Мелиссу прежде. Никогда родителей не вызывали в школу. Только сейчас стало понятно, что вся ее предыдущая жизнь была вполне спокойной.

Мелисса думала об аутсайдерах из ее предыдущего класса. Что им нужно было сделать, чтобы она начала с ними нормально общаться? Казалось, что ничего, они просто были такими скучными, необщительными, странными. Мелисса даже не догадывалась, что однажды попадет в общество, где странной может показаться она.

После звонка Мелисса переместилась к кабинету директора и рухнула в одно из кресел напротив двери. Здесь было тихо. В просторном закутке стояли кожаные кресла и горшки с монстерами. От жалости к себе Мелисса перешла к ободрению.

«Ничего страшного же не случилось, – думала она, – просто перепалка. Завтра приду, поздороваюсь с Джули-Лу, и все будет как прежде. Скажу, что... это просто мое мнение, оно может измениться. И вообще, может, расскажешь мне какую-нибудь шокирующую историю про де Лордесов?»

На самом деле, Мелисса не знала, как правильно поступить. Ей вообще само пребывание в Миднайт Хилле казалось неправильным. Этого просто не должно было произойти в ее жизни, и она не должна была ни под что подстраиваться. Это все не из ее жизни. Здесь нет правильных путей, они все лишние.

Голоса разбудили Мелиссу. Оказалось, что в своих мыслях она умудрилась задремать. Школа опустела, только еле слышный разговор эхом разносился по коридору.

– Долго еще Рола ждать? – спросил Ламмерт.

– Уже должен освободиться, – ответил Хьюго.

Мелисса прислушалась, но следующие реплики были неразличимы. Только какие-то бессвязные обрывки. Девушка наклонилась в сторону шума и сощурилась, будто это должно усилить ее слух. Братья были прямо за углом, когда она четко услышала:

– ...Будто ее появление несет перемены. Понимаешь, о чем я? – восторженно спросил Ламмерт.

– Понимаю. Я тоже это чувствую, – прозвучал голос Хьюго совсем рядом с Мелиссой, и она зажмурилась от страха разоблачения.

Братья появились из-за угла. Пару мгновений они смотрели на Мелиссу. На чьих щеках отразилось больше смущения, было непонятно. Все застыли. Ламмерт первый пришел в себя и, засунув руки в карманы, произнес:

– Ты чего здесь делаешь?

Мелисса кивнула в сторону двери директора, за которой раздавался неравномерный шум. Братья проследили за ее взглядом. Ламмерт улыбнулся.

– О, понимаем, это за что тебя так? – спросил он.

– За мнение о «Ромео и Джульетте».

– Книга отстой.

– Ты ее не открывал, – шепотом заметил Хьюго.

Не обратив внимания на его реплику, Ламмерт шутливо произнес:

– Ты не переживай! Ничего такого не будет. Даже меня так

и не отчислили, – с гордостью заметил он. – Тебе максимум доверят дежурство в классе.

Мелисса улыбнулась. Ей почему-то правда стало легче. Озорные глаза не переставали на нее смотреть. Пауза затянулась. Ламмерт переминался на месте, борясь с надобностью уйти.

– У вас тут всех за такие провинности к директору водят? – помогла ему с темой Мелисса.

Улыбка Ламмерта соскользнула с лица.

– Нет. Некоторым все сходит с рук, – Мелисса и Ламмерт снова долго смотрели друг на друга. – Таким как Притс, – закончил он.

«Что с ней не так? Почему она так с вами? А со мной?» – Мелиссе захотелось выплеснуть переживания, но ни один вопрос не сошел с губ.

– Ладно, нам пора! – снова улыбнувшись, воскликнул Ламмерт. – А тебе удачи! – он сделал три стремительных шага, потом резко остановился и обернулся. Придавив челку к макушке, он выпалил. – Если хочешь, можешь садиться за наш столик в столовой.

Хьюго покосился на брата. Мелисса удивленно распахнула глаза. Внутри все приятно сжалось, но впечатления от последнего раза были, мягко говоря, не очень.

– Спасибо, – неуверенно ответила она, но Ламмерт уже неся на длинных ногах вдаль по коридору, а Хьюго, махнув рукой на прощанье, бегом догонял его.

Как только Мелисса оказалась достаточно далеко, Хьюго схватил брата за рукав, заставив его затормозить.

– Я бы рекомендовал тебе сначала думать, потом говорить, – нервно выпалил он.

– Я тороплю перемены, – Ламмерт потряс локтем, желая смахнуть руку брата, а затем суетливо обернулся.

– А что мы скажем Ролу?

– Что-нибудь придумаем, – Ламмерт пронзительно посмотрел на Хьюго. – Она все равно с нами не сядет.

Перепалку прервал стук каблучков. Хрупкая невысокая женщина стремительно пронеслась мимо братьев. Воздушная ткань брюк переливалась оттенками синего, на очерченной ключице блестела серебром цепочка с камнем. Она спешила в кабинет директора, в котором не была уже больше двадцати лет.

Мелисса встала с кресла, увидев запыхавшуюся маму. Миссис Санлайт поправила короткие локоны и достала маленькое зеркальце. Она выглядела лучше, чем обычно, и Мелисса отметила это вслух.

– Когда-то в этом кабинете мне говорили, что из меня ничего не получится, – ответила она, а затем ехидно улыбнулась. – Из меня ничего не получилось, но по моему внешнему виду они этого не поймут.

Глава 3

Дома настроили интернет. Миссис Санлайт уже ложилась спать. Мелисса развалилась на диване, укутав ноги в бирюзовый плед, который мама не разрешала уносить из гостиной. Он был островком прошлой беззаботной жизни. На кофейном столике остывала огромная кружка с какао.

Экран ноутбука подсвечивал недовольную физиономию Мелиссы. Она зашла в социальные сети, чтобы ответить на скопившиеся сообщения от бывших одноклассников. Раньше она постоянно с кем-то переписывалась. Старый уклад жизни отрезали слишком резко, будто пуповину. Только вот то, что было в Нью-Дарши, стало постепенно рассыпаться вместе с настоящим.

С теми, кого Мелисса считала друзьями, сейчас не о чем было поговорить. Они бы не поняли, что у нее, такой позитивной и общительной, какие-то проблемы с одноклассниками. Не поняли бы, что она чувствует, когда внутренне трясется от раздражения при звуке голосов окружающих. Не поняли бы и ненависти в таком объеме. Она и сама не понимала.

В бывшем классе все было не так. Все казались сплоченными, по крайней мере, никого не унижали. Не было врагов, но сейчас кажется, что и друзей не было. Наверно, все думали только о себе. Почему-то сейчас Мелисса тоже думала

только о себе. Какое значение имело, как дела в старой школе? Ей нужно пережить свои эмоции, обсудить свою жизнь. До чужой не было дела.

Мелисса потерялась. У нее не было цели, не было тропинки, были только бесконечно незнакомые чувства раздражения и неприятия действительности.

Стоило коснуться холодной подушки, сознание Мелиссы выключилось в один неуловимый миг, несмотря на нескончаемые мысли. Казалось, что оно так и не смогло включиться ни во время умывания утром, ни во время завтрака. Ни даже когда тело Мелиссы опустилось в пропахшее бензином кресло автобуса.

Из задумчивости ее выцепила толпа. Люди скопились на обочине дороги у перекрестка. Их было человек тридцать. Они не кучковались, не стояли в очереди, не смотрели в одну точку. Хмурые и испуганные лица, темное и громоздкое нечто между их ногами.

Дети в автобусе прильнули к окнам, стали шептаться.

– Это олень!

– Сам ты олень, у него же нет рогов, это оборотень!

– Обратней больше нет в Миднайт Хилле!

Мелисса всмотрелась в чернеющую на обочине тушу. Она была угловатой, широкой. Будто мешки и коробки накрыли шкурой.

Сборище напоминало похороны, где никто не понимает, что за существо хоронят. Многие курили, дергано двигались,

морщили носы. Одна старушка так визжала, дергая взметнувшейся рукой, что даже людям в салоне становилось не по себе.

Водитель будто нарочно притормозил на светофоре дольше нужного, сам окутанный тревогой и любопытством. Слово «оборотень» Мелисса слышала так много раз, что волосы на коже невольно вздыбились.

Автобус нерешительно тронулся, и Мелиссе открылась новая сцена. На дороге блестела огромная бордовая лужа, уже подсохшая и впитавшаяся в асфальт. Рядом с ней одиноко высился человек в свитере и длинном болотном тренче. Он смотрел прямо на Мелиссу. Так, словно она не может его увидеть. Даже когда автобус проезжал в паре шагов от него, он не дернулся и не отвел от Мелиссы жуткого сверлящего взгляда. Тело девушки беспокойно изгибалось, не желая терять из виду юношу, лужу и толпу, а потом рухнуло на сиденье.

Салон автобуса напоминал рой. Разговоры об увиденном жужжали будто у Мелиссы в голове. Они раздражали ее излишней суеверностью. Когда уловить смысл слов уже было невозможно, перед глазами вновь появилось вытянутое худощаво-скуластое лицо юноши в болотном тренче и не исчезало, пока дети не повскакивали со своих мест и не метнулись к школе.

Только теперь Мелисса заметила, как по проходу мимо пронеслась высокая фигура в черном пальто.

– Доброе утро, Санлайт. Подходи, забирай свой вариант теста! – встретила ее в классе миссис Плом. – И присаживайся.

Мелисса заторможенно взяла бумажку со стола. Тест на ней был написан вручную. Миссис Плом хлопала веками без ресниц, словно вопрошая, почему Мелисса не двигается.

Взгляд нашел Джули-Лу. Она покачивала ногой, бегая глазами по строчкам в тетради. Мелисса думала, что отпустила вчерашний конфликт, но от вида старосты воспоминания и обида накатили с новой силой. Выбора не было. Либо попытка примирения, либо потенциальное одиночество. У Мелиссы больше не было права относиться ко всему равнодушно, ведь Миднайт Хилл в ее жизни не до конца лета. Значит, надо адаптироваться.

– Привет.

Староста томно подняла глаза и перестала делать вид, будто не замечает присутствия Мелиссы.

– Привет. Если это для того, чтобы я помогла с контрольной, то не надейся.

– Я была отличницей в прошлой школе.

– О, – с наигранным удивлением произнесла староста.

Мелисса закатила глаза. Скрип пола под туфлями вежливо проводил ее до парты. Джули-Лу напоминала ей суккуба – статная, красивая, умная, но язык червивый.

Только со второго урока Мелиссу отвлекло от гнетущей рутины любопытное лицо Ламмерта. Он поздоровал-

ся, улыбнулся. Хьюго пояснил, что от прогула контрольной счастлив только Ламм, зато этого счастья хватит на всех.

Однако оно продлилось только до звонка на урок. Ламмерт выглядел угрюмо, ничего не записывал, хотя ручку из рук не выпускал – мастерски вертел ее между пальцев. Его холодные глаза были направлены на доску, хотя вряд ли он улавливал, что на ней происходит. Мелисса бросала короткие взгляды в его сторону, но он их будто не замечал, и взгляды становились более открытыми. Покатые плечи, длинные пальцы, ровный нос, пряди белесых волос на лбу, шея – Мелисса не без смущения для себя отметила, что ей нравилось то, что она изучала.

«Привет! Как жизнь?» – представила свою реплику Мелисса. Ламмерт же пригласил ее вчера за столик в столовой. Наверное, будет странно общаться только во время обеда.

Резкий звук звонка штормом прошел по коридорам. В классе началась неспешная возня. Мелисса старалась дышать ровно. Пальцы нервно мяти лямку рюкзака, давая ей время собраться с силами.

– Как жизнь? – неожиданно воскликнула Мелисса, отчего Ламмерт даже немного подскочил на месте.

Юноша обернулся. На лице заиграла неловкая улыбка, а глаза прищурились, скользнув по Мелиссе.

– Боже, Санлайт, даже меня напугала. Не возбуждайся так в его присутствии.

Глаза невольно нашли источник голоса. Тягучий, презри-

тельный взгляд Джули-Лу выплыл из кабинета вместе с обладательницей.

Мелисса глубоко вздохнула.

– Какая же она невыносимая, – пробурчала она.

Фраза волшебным образом смыла остатки хмурости на лице Ламмерта, нарисовав на нем широкую улыбку. Он набросил на плечо рюкзак.

– Я тоже терпеть ее не могу, – радостно заявил он.

Мелисса с братьями вышли из класса. Ламмерт шел посередине, занимая все внимание своих спутников. Длинные ноги быстро несли юношу по коридору, только и подгоняя Мелиссу. Хьюго пытался тормозить брата, слегка потягивая за локоть его рубашки.

– Джульетта Лукреция Притс, – издевательски гнусавым голосом произнес Ламмерт. – Сложно придумать более идиотское имя.

– Джульетта Лукреция?

– Да. Отвратительно, правда? А знаешь, что она говорила про тебя в первую неделю?

На секунду Мелисса подумала, что не хочет этого знать, но потом кивнула.

– Сказала, что в таком виде приходиться в школу могла додуматься только проститутка. Бред, правда? Я бы тоже не носил форму, если бы можно было, – тараторил Ламмерт. – Кто вообще придумал эти дурацкие рубашки? В фильмах все ходят в чем хотят, я считаю, это правильно. Но это же Джу-

ли-Лу. Она всех своих подружек за спиной обсуждает. А что, кстати, было вчера у директора?

– Дежурю на следующей неделе.

– Круто, значит, будем вместе, нам еще неделя осталась.

Почему-то неугомный лепет Ламмерта успокаивал Мелиссу. Под него они перешли в соседний корпус и устроились у подоконника на лестничном пролете, не доходя пару десятков метров до кабинета. Мелисса присела на окно, закинув рюкзак рядом, и подтянула гольфы. От Ламмерта и любопытства сжимались внутренности, как от катания на американских горках. Казалось, она зря так долго боялась к нему подойти, хотя обуздать неловкость от общения никак не удавалось.

– Послушай, – начала Мелисса, с интересом разглядывая лицо Ламмерта вблизи. Даже ресницы у него были светлые, – ты случайно не альбинос?

– Альбинос? Кто это?

– Человек с нарушенной пигментацией, – подсказал Хьюго, снимая с плеч рюкзак и ставя его на окно. – Он не альбинос. Просто не любит загорать, – юноша бросил дружелюбный взгляд на брата.

– Ага, – подхватил Ламмерт. – С такой погодой в Миднайт Хилле загореть можно только на костре.

Мелисса посмеялась и, болтая ногами, перевела внимательный взгляд на Хьюго. Можно сказать, с ним она разговаривала впервые, потому голос Хьюго все еще казался незна-

КОМЫМ.

– А ты...

– Не альбинос? – отозвался он.

Мелисса улыбнулась, на веснушчатых щеках заиграли ямочки.

– Ты что-нибудь видишь за своими волосами?

Волнистые волосы завивались в спирали на концах, светясь на солнце огнем. Зрачки поблескивали за густыми прядями.

– Мне... нормально, – только и ответил он.

– Прости, если задела, – Мелисса села на замерзшие пальцы и наклонила голову набок. – Они мне нравятся.

Мелисса намеренно проигнорировала смущение Хьюго, которое только разожгло в ней желание наговорить больше приятного. Она подняла глаза к потолку.

– Я бы тоже хотела, чтобы мои волосы были такого красивого цвета.

– О-о-ой, началось, – протянул с улыбкой Ламмерт. – Я еще здесь, вообще-то.

– У тебя тоже красивые волосы, – подыграла Мелисса.

– Так-то лучше, – вздернув подбородок и поправив галстук, заключил он. Мелисса рассмеялась.

Хьюго улыбнулся, оголив зубы. Клыки немного торчали вперед, делая улыбку какой-то особенной.

Смеяться было хорошо. Пока смеешься, не нужно думать о том, как к тебе относятся другие. Не нужно вспоминать

Джули-Лу. Не нужно решать контрольные и бояться темной шкуры на обочине.

На остальных переменах они тоже были вместе. Де Лордесы спрашивали Мелиссу про Нью-Дарши, про прошлую школу, про то, как ей переезд и каково это ходить без формы. На них оборачивались даже младшеклассники. Все знали де Лордесов, знали, что к ним лучше не подходить. И уж точно никто не видел, чтобы кто-то в их компании так самозабвенно смеялся. Мелисса подумала, все смотрят, потому что счастливые люди в этой дыре в диковинку.

Впервые в школе имени О'Коннелла Мелисса шла на обед в приподнятом настроении. Мимо пустого столика старосты она прошла с небывалым облегчением. Даже появился аппетит. На какое-то время.

Серые глаза внимательно изучали Мелиссу, пока она с братьями стояла в очереди за едой, а затем опустились на страницы небольшой книги в мягкой обложке. Другой рукой Роланд держал черный термос. На столе стоял нетронутый оранжевый поднос с обедом. Как только все приблизились к столу, Роланд, не поднимая взгляда, подвинул поднос в сторону Хьюго.

– Привет, – скромно поздоровалась Мелисса, получше заправляя рубашку в юбку. – Меня зовут Мелисса Санлайт.

– Я знаю.

Взгляд, что с этими словами впился в Мелиссу, можно было сравнить со взглядом ястреба, который уловил в траве

слабый шелест будущей жертвы. В бесцветных глазах отражался багрянец галстука.

Тело Мелиссы напряглось. Она попыталась улыбнуться, но получилось сжато.

– Ламмерт предложил мне сидеть здесь.

– Это я тоже знаю.

Казалось, Роланд наслаждался скованностью Мелиссы и не собирался давать спуску.

– Тогда приятного аппетита, а? – вставил Ламмерт, буравя брата взглядом.

Все ели молча. Хьюго уминал за обе щеки две порции – за себя и за Роланда. Он только и успевал вытирать губы тыльной стороной ладони. Ламмерт поник, лениво ковыряя вилкой пюре. Роланд же попивал содержимое термоса, уткнувшись в книгу.

Красный галстук Роланда невольно цеплял внимание Мелиссы. Он был туго затянут, рубашка выглажена, заправлена. Он будто воспитывался другой семьей. Осанка, неторопливые выверенные движения. Только волосы небрежно лежали по обе стороны лица, не закрывая лба. Черты лица неуловимо напоминали Ламмерта: острый подбородок, прямой нос. Если лицо Ламмерта можно было назвать мягким, то Роланд был его грубой и острой версией.

Роланд залпом допил содержимое термоса, и Мелисса наблюдала, как движется его кадык.

– Хватит тарашиться на меня.

Холодный голос пригвоздил взгляд Мелиссы к столу.

– Прости, я просто... – она закрыла глаза, стараясь подавить стыд. – Я просто задумалась. Можно вопрос?

– Попробуй.

– Как так вышло, что вы братья, но цвет глаз и волос у всех разный?

Роланд прищурился. Он был таким серьезным, будто сидел на экзамене. Точнее, будто принимал его у Мелиссы.

– Я имею в виду, с генетической точки зрения, – добавила девушка, будто пытаюсь смягчить вопрос или сделать его менее глупым.

– С генетической, значит? – начал Роланд, оставляя закладку между страницами. – У нас разные матери.

Брови Мелиссы на миг взметнулись. Она наблюдала, как Роланд невозмутимо убирает в сумку книгу, а сама лишь старалась не разинуть от удивления рот. Ламмерт застыл, а Хьюго стал медленнее жевать, наклонившись к тарелке.

– П-простите. Я не знала.

– Приятно посидеть, – только и выдавил Роланд и почти беззвучно задвинул стул.

Уши Мелиссы заложило, разговоры в столовой и лязг посуды были будто укутаны пеленой. Только собственная вилка, неаккуратно упавшая на поднос, вытащила ее из оцепенения.

– Простите, я не думала...

– Все в порядке, – перебил Хьюго. – С этой информацией

мы уже давно смирились.

Вопросы в голове Мелиссы множились как бактерии в благоприятной среде. Разные матери в такой короткий период? А с кем они живут? Как это вообще возможно? Как неудачно она сковырнула такой деликатный факт в первый же день общения. Нужно было срочно перевести тему.

– А вы ничего не слышали про оленя? – спросила Мелисса.

Тревожная толпа и шкура всплыли в памяти так явственно, будто находились в белых стенах просторной столовой. Юноши переглянулись.

– Не понял. Что за олень? – уточнил Ламмерт.

– Вообще-то, это скорее медведь. У него не было рогов, – недоумение на лицах братьев усиливалось. – Сегодня утром мы проезжали мимо толпы. Там было какое-то тело или типа того. Труп животного. Кто-то сбил медведя?

– Не знаю, мы не ехали сегодня в автобусе.

– Точно.

– А что такого? У нас периодически сбивают оленей, особенно в пригороде, – заметил Ламмерт.

Мелисса закусила губу и поерзала на стуле.

– Не знаю. Там такая толпа была, все выглядели напуганными. Подумала, вдруг вы что-то знаете.

– Ничего не знаем, – вдруг высоким голосом выдал Хьюго и закашлялся, поперхнувшись.

Ламмерт стал стучать ему по спине и подвинул свой ста-

кан с недопитым яблочным соком.

Вечером за окном шелестел дождь, Мелисса подвинула маме кружку ароматного кофе.

– Спасибо, Лисса, – сказала миссис Санлайт, уткнувшись в телефон.

Мелисса сидела по другую сторону барного стола и грела руки о любимую кружку с альпакой. Только горячий какао и домашние пушистые тапочки согревали ее в продуваемом сквозняком доме. Капли все сильнее барабанили в окно. Звуки ветра жутко усиливались, пролезая в щели. Вечером резко потемнело. Эта тьма все еще не стала для Мелиссы привычной. В большом городе никогда не темнеет так сильно.

– Как дела в школе? – спросила женщина, не поднимая взгляда от экрана.

– Вроде стала общаться с мальчиками.

– Что за мальчики?

– Они братья. Ламмерт и Хьюго. И Роланд.

– Три брата?

– Вроде того.

– Тройняшки?

– Нет, Роланд старше. И вообще. У них матери разные.

Мама оторвалась от телефона и с недоверием взглянула на Мелиссу поверх тонких прямоугольных очков.

– Они нормальные?

– Что за вопрос? – возмутилась та.

– Ну, вдруг из неблагополучной семьи. Может, они сиротки.

– И что? Это как-то определяет их нормальность? Я, например, считаю за нормальных людей тех, кто не манипулирует общественным мнением и не унижает меня за каждое неправильно сказанное слово.

– Все, все! Успокойся, – осадил женщину. – Нормальные – значит, нормальные.

Ногти миссис Санлайт снова застучали по телефону. Мелисса положила щеку на стол. Розовая альпака в темных очках смотрела на нее с зеленой полянки. В узких стеклах маминых очков отражались переписки и какие-то сайты.

– Прости, что всплыла, мам.

– Прощаю.

Мама улыбнулась и потрепала дочь по голове. Она заблокировала телефон и положила его на стол. Сняла очки, сложила их и потерла переносицу, отчего на коже выступили косточки пальцев и запястья.

– Как дела на работе? Тебя взяли на ту должность?

– Вроде взяли, – вздохнула женщина, – но зарплата, конечно, смешная. У меня до работы дела более захватывающим образом шли.

– Что такое?

Мама глубоко вздохнула и, потуже затягивая на поясе атласный халат, осторожно глотнула кофе. Она нахмурилась, будто что-то вспоминая, пальцы бродили по рыжей кружке.

– Еду я, значит, на машине...

Утром еще стояла погожая погода. Солнце слепило через лобовое стекло. Было около семи утра, на дорогах никого. Когда я подъезжала к перекрестку у пекарни, еще издалека заметила стоящих на дороге людей и что-то темное, лежащее у их ног. Объехать их было нельзя, к тому же стало любопытно. Остановив машину неподалеку, я вышла и направилась к перекрестку.

С каждым шагом я все внимательнее всматривалась в тушу. Она была мохнатая, похожая на громадного медведя. Я поняла это по когтистым лапам. Они, наверное, были с мою голову. Тело лежало в луже крови, блестящей багровым в свете утреннего солнца. Следы из крупных капель тянулись в сторону леса.

Вокруг трупа стояло четыре человека: бледная, испуганная старуха-пекарь, вцепившись в какую-то девушку, что-то зловеще причитала; другая пожилая дама грубо просила ее замолчать и не нести чушь; и, наконец, старик, ворча себе под нос, говорил, что медведя нужно скорее утащить с дороги.

Над тушей уже собирались мухи. Одна из них сидела на открытом глазу медведя. К горлу подступила тошнота.

– Что здесь произошло?

– ОБОРОТНИ!!! – накинулась на меня старуха-пекарь.

Она вцепилась в мой воротник руками и, тряся его, как замороженная, уставилась на меня маленькими, красными от

лопнувших капилляров глазами.

– Обратни! Я сама их видела, своими глазами! Ночью! Все видела! Двое их было. Не как волки, но и не как люди. Медведь заревел как на улице, я – раз – к окну подскочила, а они склонились над ним...

– Да замолчи ты уже! Хорош страсти-то рассказывать! Небось, напилась таблеток своих, да померещилось сослепу!

– Лже-е-ешь! – заверещала старуха. – Сама знаешь, что лжешь!

Пекарша отпустила меня и накинулась на пожилую даму. Она заговорила громким шепотом. Хозяйка пекарни, словно ведьма, рассказывала:

– Долго в Миднайт Хилле живешь, сама знаешь, стоит город на нечестивой земле. Полно здесь чертовщины. Даже церковь в лесу – и та оплот бесов... Говоришь, машина медведя сбила, а у самой поджилки трясутся, оттого что знаешь: правду я говорю. Обратни это были, двое, вцепились в него – да давай! Глаза в темноте светятся, а плоть звериная трещит... Зря не веришь, не спасет это тебя от клыков дьявольских. Не дури, будто за жизнь свою ничего такого не видела и не знаешь. А воют они, воют на полную луну громче волков. Знаешь, что нет спасения в этом городе, так не клевети на старуху. Перестали они их бояться, еще вернутся, помяните мое слово...

Старуха скакнула в центр дороги и обвела всех взглядом.

– Услышала медвежий рев в ночи, – рявкнула она, расто-

пырив крючковатые пальцы. – В окно вижу их, жрут зверя, глаза светятся. Я – раз – ружье-то старика своего схватила с полки, да выскочу, – старуха жутко металась между слушателями. – Раз стрельнула по ним, да разбежались, как крысы поганые. У меня-то дом освящен, нечего мне бояться дьяволов.

Мужчина резко сплюнул чуть ли не мне под ноги.

– Да слышали мы это уже, одну шарманку завела да трещит!

Я быстро уехала после этого. По обочине, по крови. Сколько еще ждать пришлось бы, пока они оттащат его, неизвестно. Но вечером я домой возвращалась, а от этой сцены только размытое пятно на асфальте осталось.

Какао в кружке уже остыло, когда Мелисса вспомнила о его существовании и сделала глоток. Губы пересохли.

– Я видела медведя. И старуху видела. Из автобуса утром. Там толпа такая была, все на него смотрели.

Ветер обрушил на кухонные окна поток дождя, заставив Мелиссу поежиться.

– Ладно, сказки на ночь рассказаны, давай-ка будем расходиться по комнатам, – произнесла мама, конструируя на макушке небрежный хвостик. – У меня еще дела остались.

Женщина устало поднялась из-за стола.

– Знаешь, так раздражает, что у меня в автобусе все тоже про оборотней говорить стали. Это какое мышление нужно иметь, чтобы это был единственный вариант? Ладно еще

старуха, она якобы видела кого-то, но просто дети в автобусе? Они медведя за оборотня приняли. Я в шоке, как можно жить с такими устаревшими взглядами. Про критическое мышление они вообще слышали?

Миссис Санлайт выслушала тираду дочери с печальной ухмылкой на лице. Мелисса добавила:

– Ты веришь в то, что видела старуха? Я думаю, она сама пристрелила медведя.

– Может быть.

Дождь разыгрался не на шутку. Капли выстроили стену, за которой не различались даже силуэты сосновых стволов.

Уличный фонарь освещал письменный стол у окна, двухъярусную кровать и диван под покатой крышей. Теплый свет с первого этажа пробивался в темную комнату, касаясь напряженных лиц братьев де Лордесов.

– Так что сваливайте все на меня. Просто скажите ей, что Роланд против, и дело с концом, – юноша оперся о дверной косяк, скрестив руки на груди. Его вытянутая тень рассекала комнату надвое.

– Меня, конечно, тоже напрягло, что пришлось рассказать про матерей, но это же не повод так вот ее отталкивать. Она же не знала, – Ламмерт сидел по-турецки на нижнем ярусе кровати и обнимал огромную подушку. Он примял челку к макушке и ждал реакции Хьюго. Тот тяжело вздохнул.

– Я согласен с Ролом.

– Что? Почему?

– Она любит задавать вопросы. Для нас это некстати.

– Какие еще вопросы она успела задать? – все сильнее возмущался Ламмерт.

– Про медведя.

Роланд прищурился и забарабанил пальцами по плечу ровный ритм. Ламмерт вскинул голову на братьев по очереди.

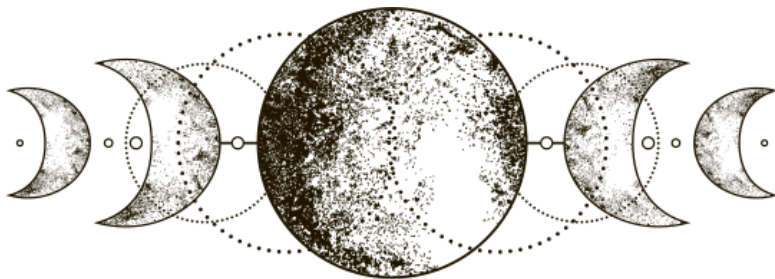
– Вы что-то знаете про медведя? – он нахмурился.

– Больше, чем хотелось бы, – вдруг вставил Роланд. Босые ноги сделали пару шагов до дивана. Юноша устало рухнул на него, запрокинув голову. – Он валялся там до утра. Я видел из автобуса. Эта бабка еще проповедовала для толпы. Про оборотней.

Ламмерт закрыл глаза и потер переносицу. Сердце набирало обороты и стало давить в груди. Он отложил подушку и сел поудобнее.

– Так, – произнес он на выдохе, – давайте-ка вы лучше расскажете все с самого начала.

II

Сентябрь, 1898

Альфред сидел в кресле и читал газету за утренним чаем. Глаза под нахмуренными бровями скользили по тексту на первой полосе. «Альфред де Лордес хочет разделить власть с административным советом», – прочитал Джеймс, подливая кипяток в чашку хозяина.

Рядом сидела его жена. Она ничего не ела.

– Как ты себя чувствуешь? – обратилась она к мужу. После ночного происшествия он не произнес ни одного слова.

Альфред безучастно кивнул, не отрываясь от статьи.

Дороти вытерла рот салфеткой и встала. Отодвинувшееся кресло оглушило служанку, стоявшую подле, и она намор-

щила носик. Альфред поднял глаза.

– Что-то мне нехорошо, – решила пояснить своеволие Дороти и, громко оповещая немногочисленных присутствующих о своем уходе стуком каблуков, покинула столовую.

Дороти писала письмо одному знакомому. Она зачеркивала слова и начинала все сначала. Из-за того, что взволнованные пальцы слишком часто ворошили прическу, каштановые пряди выпали из нее.

Послышался стук. Снаружи, по стене.

– Госпожа, мой муж просит вас. Если можно...

Это был голос Моники, экономки, жены Джеймса. И, несомненно, она стояла за дверью, а не за стеной. Стук повторился.

– Госпожа де Лордес...

Дороти глубоко вздохнула и уткнулась лбом в письменный стол. Она почти не спала. Она знала, что Альфред ни на мгновение не закрыл глаза этой ночью.

– Госпо...

– Я подойду, Моника!

– Простите за бес...

– Ступай!

«Уважаемый господин Гаст! Беспokoю вас по очень важному вопросу, чрезвычайно рассчитываю на вашу поддержку. Дело в том, что с некоторого времени мой муж страдает от паранойи и, возможно, других, более серьезных душевных расстройств...»

Дороти смяла и этот вариант письма. Кажется, помощь теперь необходима и ей.

Джеймс встретил ее на веранде. Он был в садовой одежде, стягивал с ладоней перчатки. Дороти спустилась по ступеням и оказалась рядом с ним. Она поправила на шее шелковый шарф.

– Во время утреннего обхода я кое-что обнаружил, – низким голосом начал Джеймс. – Не могли бы вы пройти со мной на задний двор?

Осенний зябкий ветер побудил Дороти накинуть платок на волосы. Она последовала на задний двор. Перед глазами стоял вчерашний вечер: тяжелый приклад ружья, скользящие в темноте тени, скулящие и забившиеся в угол собаки.

Вскоре они оказались под окнами спальни. В ночи мужики обнаружили на земле следы от босых человеческих ног.

Джеймс закурил самокрутку и кивнул вверх.

– Видите, грязь на стене, прямо у окон. Земля, мэм.

– Как она могла туда попасть?

Дворецкий недоверчиво прищурил один глаз и попытался сделать кольцо из дыма.

– Вероятно, с ног вчерашнего преступника. Или рук.

– Помилуй, Джеймс, – Дороти задрбезжала, изображая смех, – третий этаж, сплошная стена, какие ноги. И вообще, никто не учил вас не курить такую дрянь при дамах?

Она кашлянула пару раз, чтобы продемонстрировать, что ей подобное поведение неприятно. Мужчина затушил сига-

рету о стоявшее неподалеку ведро.

– Как, по-вашему, преступник вообще мог проникнуть на территорию?

– Судя по следам на доме, он мог не просто перелезть через ворота, но даже через забор, мэм.

Оба перевели взгляд на кирпичную изгородь с чугунными острыми наконечниками под три метра высотой.

– Кто же способен на такое, а? – фыркнула Дороти и злобно сжала губы, ожидая ответа дворецкого.

Его лицо было невозмутимо.

– В деревне болтают, да и в городе, что в Миднайт Хилле проснулись существа, которые могли бы...

– Нет! – крикнула Дороти, с высоты своего небольшого роста указав пальцем прямо в нос Джеймса. – Не смейте нести эту чушь! Особенно в присутствии моего мужа! Может, как раз, наслушавшись вас, ему и мерещится невесть что! Нечисть в Миднайт Хилле! Босые люди, которые лазают по стенам! – она засмеялась. – Не порите чепуху. Это мог быть кто-то из наших?

– Боюсь, чтобы выяснить это, нужно было проверить чистоту ног у всех обитателей поместья еще вчера.

– Не дурите мне голову своими суевериями, Джеймс, и разберитесь с вопросом. Ищите виновного хоть по отпечатку ноги, хоть по запаху. И не на том свете, а живого.

Она резко развернулась и, подбирая подол длинного платья, быстро зашагала прочь от яблоневого аллеи.

«...Подозреваю, что этими расстройтвами мой муж обзавелся из-за рассказней деревенских жителей, которые при-шлись как раз на тот период, когда над отцом Альфреда, Альфредом де Лордесом – старшим... – Дороти запнулась, на бумагу чуть было не капнули чернила, – учинили смер-тельную расправу жители Миднайт Хилла. Надеюсь, что дан-ная история вас заинтересует, и вы сможете посетить наше имение в ближайшее время.

С уважением, почитающая ваши труды и ваша давняя по-друга

Дороти Констанция де Лордес, в девичестве Дороти Кон-станция Милт»

Дороти аккуратно положила бумагу в конверт. Пока в медной ложечке плавился сургуч, к горлу подкатывал ком. Нет, она не подхватит этот психический недуг и сможет по-мочь мужу. Перстень с фамильным гербом погрузился в го-рячий сургуч, отпечатав на нем витую букву «Л» в окруже-нии дубовых листьев. Она знает, что нужно делать.

Глава 4

Зайдя в автобус, братья не поздоровались. Мелисса подумала, что они просто не заметили ее, но, когда в классе де Лордесы лишь холодно ответили на ее приветствие, поняла, что что-то не так. Наверняка дело было во вчерашнем разговоре. Нетактичность Мелиссы многих могла бы отпугнуть.

Джули-Лу сразу заметила перемены в их общении. Пока Клэр пересказывала новый эпизод сериала, а Бетт, сидя на парте старосты, ругалась на непроходимый уровень, она аккуратно оборачивалась на Мелиссу. Та теперь сидела понуро, как мышка в норке. А Джули-Лу определенно чувствовала себя кошкой. Без Мелиссы все дни были слишком похожи и скучны и уже становились поперек горла. Потому легкая манипулятивная игра казалась таким привлекательным занятием.

После урока староста подошла к Мелиссе и оперлась о ее стол рукой. Та медленно подняла взгляд, а потом озлобленно произнесла:

– Пришла ядом брызгать?

Джули-Лу не изменилась в лице.

– На тебя смотреть тошно.

Мелисса распахнула глаза от возмущения.

– Это взаимно.

– Сейчас длинная перемена, не хочешь освежиться?

Мелисса смерила старосту взглядом. В карих глазах сверкали огоньки, не вызывающие доверия.

– Хочешь мою голову в унитаз окупнуть?

Джули-Лу засмеялась, обнажив ряды белых зубов, и с улыбкой произнесла:

– Нет же. Поднимай задницу и пошли.

Она направилась к выходу из кабинета. Черные глаза Бетт с недоумением наблюдали за действиями подруги и чуть не съели живьем Мелиссу. Клэр хлопала ресницами.

– Джули, ты куда? – пропищала блондинка.

– Я ненадолго.

Черные волосы покачивались от мягких шагов. Мелисса прищурилась, осматривая Бетт и Клэр. Их внешний вид сочился недоумением, что обнадеживало. Значит, они не изобьют ее за углом.

Джули-Лу остановилась у дверного проема и обернулась.

– Ну же. Я тебя не сожру.

Они вместе вышли во внутренний двор. Яркое солнце не спасало от холодного ветра. Младшеклассники резвились под присмотром преподавателей, перекрикивая многоголосый щебет птиц. Лысые каменные клумбы, тянущиеся лабиринтами по саду, были облюбованы старшеклассниками. Тучи надвигались с востока.

– Как тебе в нашей школе? Две недели прошло.

– Ближе к делу, – сдвинув брови, огрызнулась Мелисса. Она обняла себя за плечи, пожалев, что не накинула курт-

ку. – Еще про погоду спроси.

– Ты какая-то злая.

– Неужели?

Несмотря на то что извечная ухмылка Джули-Лу осталась на ее губах, глаза вдруг померкли.

– Ты считаешь меня стервой?

Мелисса закусила губу, рассматривая узор мостовой под форменными ботинками.

– Да.

– Мне нравится твоя честность.

Девушки шли по кленовой аллее. Ветки только начали покрываться листьями, бьющимися в конвульсиях от ветра.

– Послушай, – вздохнула Джули-Лу, собирая волосы руками, чтобы те не вздыбились, – ты сама виновата, что переметнулась на сторону де Лордесов.

– Ты пытаешься помириться или что?

– Они отталкивают тебя, да? – девушки остановились в тени башни с колоколом. Чугунный язычок слегка покачивался, стремясь наполнить воздух звоном. – Так со всеми случается. Еще с детства. Они то дружат, то не дружат. На них нельзя положиться. Могут не прийти на твой день рождения, убегут, когда понадобится помощь.

Мелисса старалась просеивать всю речь старосты и ничему не верить на слово. Могла ли эта вражда быть давней обидой? Может, стоило вытянуть из Джули-Лу правду и помирить строптивых одноклассников, чтобы все могли дышать

спокойно?

– С тобой было так же? – аккуратно спросила Мелисса.

– Со мной – нет, – с гордостью фыркнула та.

Очередная стена. Джули-Лу просто заговаривает ей зубы.

– Я не понимаю, к чему это все? – прямо спросила Мелисса.

– Просто так. Захотелось поговорить с кем-то... новым.

Джули-Лу остановила свой взгляд за спиной Мелиссы, и та невольно обернулась. Из корпуса в корпус под тенью крыши скорым шагом двигался Роланд.

– Как он тебе?

– Роланд?

– Да.

– Не знаю. Жуткий, – пожав плечами, заключила Мелисса. Ей было гадко от мысли, что она откровенничает с Джули-Лу.

– Он гений, – вдруг вдохновенно произнесла староста. – Красный галстук – это не просто знак отличия. Красный галстук был придуман Роландом, когда он учился в шестом классе. Ему было недостаточно оценок. Он хотел, чтобы его уважали.

Осанистый силуэт Роланда скрылся за поворотом. Девушки смотрели ему вслед еще какое-то время.

– Разве для того, чтобы стать отличником, нужно быть гением? – поинтересовалась Мелисса, пригладив взъерошенные кудри.

– Дело не только в учебе, – староста продолжила движение по дорожке, щурясь от солнца, что прорезалось сквозь кроны, – но и во внеклассной деятельности.

– Он в каких-то кружках занимается? Или что?

– Во многих: баскетбольный, – начала староста, отгибая пальцы, – музыкальный, физико-математический...

– По нему не скажешь, что он такой активный... – задумчиво ответила Мелисса, перебирая в воображении образ Роланда в услышанных амплуа.

– А знаешь, он не активный, – бросила Джули-Лу и замолкла, заострив на себе внимание собеседницы. – Ему все легко дается. Учеба, музыка, спорт – он просто приходит и делает лучше всех. Его заставляют везде участвовать, потому что он чертовски талантлив.

Девушки подошли к дверям школы, из которых выходили. За беседой Мелисса не заметила, как они сделали круг по саду. Школьники потихоньку стекались к зданию.

– Он гений, понимаешь? – в полуприкрытых глазах старосты плескалась усмешка. – И, как подобает гениям, он со странностями. Любит внимание, но только в те моменты, когда сам его хочет. Не подпускает посторонних. Особенно тех, кто без спроса вторгается на его территорию. День за днем.

Лицо Джули-Лу покрылось язвами насмешки: уголки губ растянулись, брови выгнулись, глаза сощурились, – превратив старосту в нечто привычное для Мелиссы. Сердце заныло от ее слов. Мелисса ждала, когда староста наиграется с ее

чувствами и уйдет. Она внутренне сокрушалась, что позволила себе довериться Джули-Лу, что на какой-то миг допустила, будто они могут стать подругами.

Черные волосы гордо взметнулись перед лицом Мелиссы. Джули-Лу изящно махнула рукой, и звонкое «пора» донеслось до ушей девушки. Мелисса стояла перед распахнутыми дверями и приобняла себя за плечи, стараясь немного отпугнуть одиночество, которое обволокло ее плотным туманом.

Сильный ветер к концу пятого урока заволок небо тучами. Заостренные ветки царапали оконные стекла. Внутри живота Мелиссы будто были такие же деревья, что кололи стенки желудка. Звон колоколов подхватил ветер, разнося его по округе и посвистывая в такт. Время обеда. Время выбора столика. Кто невзлюбил ее сильнее: Роланд или Джули-Лу?

Не стремясь проверять это на практике, Мелисса последовала в раздевалку, набросила джинсовку и вышла из школы. Массивные двери хлопнулись за ее спиной. Дождь редкими каплями тыкал в ноги и лицо. Глаза увлажнились, то ли от ветра, то ли от давления в грудной клетке. Мелисса пошла прочь. В конце концов, пятница – короткий день.

В столовую стекались люди. Болтали и смеялись. Светло-голубые глаза изучали все заходящие фигуры, а потом опустились на пустой стул, который здесь прежде никогда не стоял. Все было как раньше: Хьюго знакомо почавкивал едой, Роланд делал редкие глотки из термоса, перелистывая страницы.

– Нам повезло, что она не пришла, – произнес Роланд, когда понял, что Ламмерт смотрит на него слишком долго и напряженно.

– Сначала ты согласился, чтобы она сидела с нами.

Ламмерт смотрел исподлобья и жадно улавливал эмоции на лице брата. Тем не менее тот был невозмутим.

– Сопротивлялся до последнего. Я сразу сказал, что нам надо держаться от нее подальше.

– Ты хотел сказать, *ей* нужно держаться от нас подальше?

– Я хотел сказать то, что сказал, – отрезал Роланд.

Хьюго перестал жевать. Ламмерт явно пытался придать форму словам, которые скакали в его голове. Роланд ждал.

– И все же, – раздухарился Ламмерт, – ты заставил нас ее обидеть, заставил оттолкнуть. Мы сделали то, что так часто делали с нами. С кем ей теперь общаться? С Джули-Лу, что ли?

– Во-первых, – холод голоса Роланда словно прибил Ламмерта к стулу, – я никого не заставлял. Мне казалось, это было общее решение. Во-вторых, – перебив не сошедшие с губ брата возражения, продолжил он, – круг общения Санлайт вообще не наше дело. Вы в классе вчетвером учитесь? Не знаю, что вы ей там сказали, но она не пришла, Ламм. Так что выдохни и живи как раньше.

– Как изгой?!

– В безопасности!

– Так, хватит! – встрял Хьюго. Он схватил руку Ламмерта

и заставил его разжать пальцы, что от гнева уже начали гнуть вилку. – Ей так будет лучше, – он нагнулся к брату и заискивающе посмотрел ему в глаза. – Я уже слышал, как про нее шепчутся. Просто потому, что она говорит с нами. Чем она это заслужила, Ламм?

Светлые глаза блеснули на свету.

– А мы чем это все заслужили?

– Было чем, – вставил Роланд. – Было.

Мелисса шагала, даже не замечая лужи. От школы до дома идти около часа. Она бы вовсе не спешила, если бы не колющий голод. По дороге наверняка попадетсЯ какая-нибудь лавка с продуктами.

Город был мрачным. Все фасады словно покрыты толстым слоем пыли, который не смачивался даже каплями дождя. Пахло сырой землей и затхлостью. В многоквартирных домах встречались заколоченные окна. На обочине стояла проржавевшая машина. Мелисса не разбиралась в автомобилях, но эта была явно старше мамы. В узких переулках свалены какие-то тряпки и мешки, на улицах почти не было людей. Наконец, сквозь сырые запахи к Мелиссиному носу пробился аромат выпечки. Девушка дошла до очередного поворота и оказалась на перекрестке у пекарни.

От кровавого пятна почти ничего не осталось. Слегка заметное потемнение размером с яичницу больше не пугало. Мелисса осмотрелась по сторонам и вышла на проезжую часть. Она повозила ботинком по пятну, чтобы убедиться в

реальности воспоминаний.

Терпкий запах давал команду «голос» для живота. Мелисса перебежала дорогу и направилась к крыльцу пекарни. В окне тускло дребезжал желтый свет. Деревянная дверь за скрипела от небольшого движения. Изнутри потянуло сухими травами и чесноком. Под ботинком Мелиссы что-то расползлось. Она опустила взгляд и обнаружила на пороге белый порошок. Бороздка тянулась вдоль стены, лежала на подоконнике и скрывалась за углом.

– Кто там? Чего стоите, проходите! – задребезжал старушечий голос, аккомпанируемый разноголосым скрипом половиц.

– Здравствуйте!

Мелисса перешагнула через порог, а брови ее так и застыли, взметнувшись. За прилавком стояла старуха. Та самая, что кричала про оборотней.

На дверях висели кресты, на верхней полке в углу пыльные иконы стояли нестройными рядами. На прилавках лежали десятки душистых буханок, чей запах перебивали пряности, висящие на веревках под потолком.

– Чего ищешь, милая? – спросила старуха и улыбнулась. Она вытирала жилистые пальцы от муки, хватая полы грязно-лилового фартука.

Мелисса перестала нелепо осматриваться и улыбнулась в ответ.

– Мне бы булочку какую-нибудь.

– Булочку, значит. Вот здесь.

На прилавке были разложены душистые пышки, из которых Мелисса выбрала большую, с вареньем.

– Картой, – автоматически сказала девушка.

– Чего?

– Ну, оплата...

– Э-э-э, нет, у нас такого нет. Ты уж поищи монетки.

Мелисса подавила улыбку и зарылась в карманы рюкзака. Старуха с прищуром наблюдала за ней.

– Ты, стало быть, внучка Гастов? Из Мглистого бора. Городская девочка, – Мелисса неуклюже кивнула. – Городским здесь сложно живется. Опасно. Они много чего не смыслят, не верят ни во что. Пропадают часто. Особенно дети. Раз в пару лет всяко кого-то не находят.

Мелисса невольно сглотнула. На дне одного из карманов все же нашлась горсть монет, которую она поспешила передать продавщице.

– Вот спасибо, приятного аппетита.

– Вам спасибо.

Мелисса уже хотела уйти, но вдруг обернулась.

– А куда дели медведя?

– Забрали его, – голос старухи мгновенно стал злоеющим. – Эти, – она поводила костлявой рукой вокруг шеи. – Воротники. Погрузили себе и увезли.

Мелисса надеялась сбросить оцепенение свежим воздухом. Но дверь захлопнулась, а мысли все также фиксирова-

лись на медведе. Именно с этого крыльца пекарша видела, как над трупом склонились два огромных зверя на задних лапах с горящими в темноте глазами. Мелисса будто почувствовала вес ружья в замерзших руках.

Вкус свежей булки успокаивал. Голод, что так отчаянно взывал к Мелиссе еще с урока, наконец был утолен.

Вскоре на горизонте показался дом. До ушей донесся чуждый звук мотора. Мама должна быть еще на работе. На дороге с соседнего участка вышла девушка с короткими волосами и помахала Мелиссе. Та смущенно ответила на приветствие, вглядываясь в лицо незнакомки.

Она была невысокого роста, на вид не больше тридцати, с темными волосами и глазами. Джинсы со следами травы на коленях и садовые перчатки, заткнутые за пояс, насторожили Мелиссу, ведь, кроме пары толстых деревьев, растений на соседнем участке не было.

– Мелисса! – воскликнула она. – Наконец-то я смогла кого-то из вас встретить. С вашего приезда ни тебя, ни родителей не видно. Как вы обживаетесь?

Мелисса даже не знала женщину. Из всех соседей она смутно помнила полного мальчика, который отказывался с ней играть. Бабушка говорила, что играть с ним и не нужно – он все время болел.

– Да нормально, потихоньку.

На заднем дворе соседского дома ревел мотор.

– Ой, прости, ты, наверно, меня не помнишь, – спохвати-

лась женщина. – Меня зовут Сивилла Хантер, я мама Нила. Помнишь его? Вы играли в детстве. Нил, дорогой, иди познакомиться с соседями! – крикнула Сивилла.

Мелисса посмотрела за спину соседке, и сердце ее сначала остановилось, а потом заметалось, как птица в клетке.

Нил неспешно вышагивал по газону, вытирая грязным полотенцем замасленные руки.

– Помнишь Мелиссу? – спросила Сивилла.

– Припоминаю, – с хрипотцой в голосе ответил он, не отводя сверлящего взгляда от испуганных глаз Мелиссы.

Того самого взгляда, который испепелил ее сквозь окно автобуса вчера утром. Нил был одет в старый свитер с высоким горлом, от которого пахло, как от автомастерской. Он запустил широкую ладонь в короткие коричневые волосы и откашлялся. Прямоугольное лицо с острыми скулами, горбатым носом и густыми бровями было усеяно родинками, а болотные маленькие глаза изучали Мелиссу. Он тоже ее узнал.

* * *

Вечер не мог проникнуть под каменные своды подвала. Здесь всегда стоял полумрак, разгоняемый светом ламп и прожекторов. По плиточному полу разносились шаги, которые заставили работников обернуться. Перед ними стоял невысокий гладковыбритый мужчина. Свет отражался на его лысине, а орлиный нос раздулся от неприятного запаха.

– Отчет, – строго сказал он.

Работники замешкались, выясняя, кто будет говорить.

– На трупе найдены множественные следы от ранений. По бокам глубокие порезы предположительно от когтей. На загривке следы от челюсти. По строению напоминает взрослую особь собаководных оборотней. Судя по всему, зверь вцепился в медведя и не пытался его убить. Вероятно, медведь самостоятельно вышел на перекресток. Либо со зверем на спине, либо раненый пытался от него скрыться.

– Обследовали близлежащую местность?

– Медведь бежал из глубины леса. По пути его следования есть следы. Человеческие. Они тоже из леса и теряются в городе неподалеку от того места, где лежал медведь. В лесу заканчиваются в паре километров от города, в чаще.

– Медведь обычный?

– В каком смысле, сэр?

– Вы тут ни черта не слышали о медведевидных оборотнях, я полагаю? – мужчина усилил голос и сузил маленькие глаза.

– В окрестностях не водится этот вид, сэр.

– Вы не слышали и о том, что живые существа, обладающие человеческим разумом, имеют свойство перемещаться по местности?

Его крик отразился от потолка и достиг слуха оробевших работников дважды. Мужчина приблизился к туше медведя, которая лежала за их спинами. Он внимательно изучал

морду. Двумя пальцами он держал небольшую иглу, средним безглаголиво поднял зверю веко, другой рукой прикрыл свой нос. Он ткнул иглой в помутневшую радужку.

– Или, может, в ваших лесах так мало пищи, что собаководные оборотни начинают охотиться на медведей?

Не дождавшись никакого ответа, мужчина обвел всех работников строгим взглядом и спокойно произнес:

– Кто у вас тут лучше всего разбирается в оборотнях? – кроме секундных переглядываний, ничего не произошло. – Я спрашиваю, кто убил их больше всего в этом месте?

– Мы не знаем, сэр, этим занимается другой отдел.

– Так спросите и доверьте ему это дело.

Мужчина пошел к двери, повернувшись к работникам сверкающей лысиной. Его присутствие держало всех в напряжении.

– Не водится у них этот вид, – пробубнил себе под нос мужчина и громко добавил. – Наша цель в том, чтобы здесь никакой вид не водился!

Хлопок двери вывел из оцепенения присутствующих.

– Ох... – начал обмен впечатлениями один из работников. – Я думал, он кого-нибудь ударит.

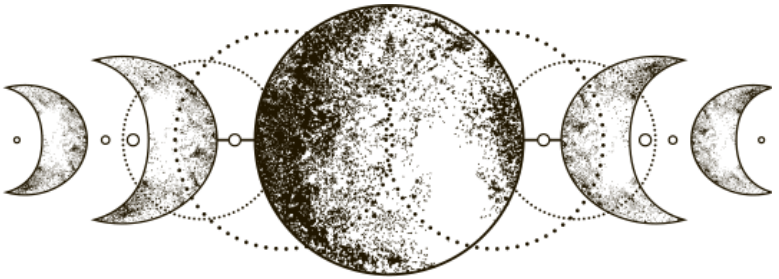
Послышались неуверенные смешки.

– И почему мы должны доверять кому-то дела? Мы исследователи, пусть идет к охотникам и выясняет.

– На кого вы нас покинули, Каришма? Упокой всевышний вашу душу...

Присутствующие печально переглянулись, прежде чем вернуться к работе.

III

Октябрь, 1898

Экономка Моника начищала глубокую кастрюлю. На кухне смешались десятки разных запахов, один из которых плотным шлейфом гулял вдоль носов вспотевших служанок – фаршированный ягненок. Все скворчало и шипело. Моника бросила недовольный взгляд на служанку с заячьей губой – Зою. Та пыталась оттереть пригоревший жир с огромной сковороды, но маленькие ладони не могли удержать все сразу, и посуда раз за разом падала в таз с жирной водой.

Моника недовольно фыркнула.

– Что, такая нежная? – бросила она в сторону девушки. Та лишь рассеянно подняла на нее взгляд и продолжила свою

работу. – Работай, работай. Может, так тебя такую криворотую мужик какой подберет.

– Да ну вас, Моника, – откликнулась другая служанка, пальцы которой уже болели от нарезки овощей, – лучше бы о наших судьбах волновались.

– О вас-то я не волнуюсь, вы невесты хоть куда. А эта на-смотрится на нашу госпожу...

– Наша госпожа, между прочим, жена мэра. А мы тут, образцовые невесты, помой за ней выносим!

Скворчание и кипение вдруг заглушилось громким металлическим звоном. Скорода из рук Зои покатила по доскам. Моника всплеснула руками и разразилась руганью:

– Тьфу ты! Безрукая! А ну иди вон отсюда!

Моника погнала девушку мокрой тряпкой, что висела на поясе, а Зои, прикрываясь руками, засемила прочь с кухни под залиvistый смех служанок. Как только девушка выскользнула в проход, в нем среди пара от духовки образовалась фигура госпожи де Лордес.

– Что за шум? – строго спросила она, но только Моника открыла рот, Дороти продолжила: – Наш гость будет в течение часа, у вас все готово?

– Госпожа, горячее вот-вот поспеет.

– Чудно.

После того как женщина удалилась, Моника сплюнула на пол.

– Врагу не пожелаешь такую жену, – стала ворчать она. –

Везде нос сует, мужу своему указы ставит. Да кто она такая? Подобрал господин нищенку, а она у него на шее ножки и свесила. В кухню зашла! А если я к ней в зал выйду во время приема в таком виде, тоже нормально будет? – Моника махнула руками на фартук в жирных пятнах. – А как она с мужиками в одном спальном платье ночью по двору ходила? – шепотом добавила она. – Кто ее такую воспитал? Сплошной позор для нашего господина. Ладно бы хоть красавицей была, так нет! Покойная госпожа де Лордес никогда бы этот брак не одобрила, упокой господь ее душу. Вот это была госпожа! Элегантная, кроткая, а как играла на пианино!

Гость прибыл позже обозначенного времени. За тем, как, покачиваясь на кочках, подъезжал его экипаж, наблюдали многие обитатели поместья. Альфред протирает платком влажный лоб. Проверил часы и положил их обратно в карман жилетки.

Дороти стояла молча, сложив ладони и выпрямив спину. Для нее этот экипаж был божественной упряжкой с ангелами. Надежда, теплившаяся месяц после того, как она получила письмо с положительным ответом.

Из пыльного экипажа вылезла высокая фигура в костюме цвета индиго с кожаным чемоданчиком в руке.

– Я думал, он будет старше, – шепнул в сторону жены Альфред.

Гость бодро преодолел расстояние до крыльца и поднялся по ступенькам.

– Добрый вечер. Мое имя – Пол Гаст.

На квадратном лице с бакенбардами появилась дружеская улыбка. Пол Гаст протянул руку хозяину поместья. Тот суетливо вытер ладонь о брюки, после чего пожал ее. Дороти улыбалась старому знакомому.

– Альфред де Лордес, – представился мужчина.

Дороти не раскрыла мужу истинную цель приезда своего знакомого. Она представила его как влиятельного человека, который может оказать им помощь. Двусмысленные фразы натолкнули Альфреда на мысль о том, что Гаст чуть ли не детектив, который взялся найти того, кто терроризировал их семью по ночам.

Для гостя накрыли богатый стол. Кухарки суетились с раннего утра. Дороти надела самое новое платье и по-особенному собрала волосы. Альфред достал свой любимый смокинг. Светские беседы звучали в зале до позднего вечера. Дороти активно дискутировала, чем вызывала восхищение Пола и полное негодование Моника, наблюдавшей за всем через приоткрытую дверь. Джеймс молча разливал господам напитки, в кои-то веки облачившись в официальный костюм и побрившись до блеска.

После трапезы все разошлись по комнатам. Дороти впервые за долгие месяцы погрузилась в постель с улыбкой. Альфред неспешно переодевался в ночную рубашку. Он пошатывался от выпитого и недовольно и громко сопел.

– Не так я представлял твоего Гаста, – пробубнил Аль-

фред, разглядывая себя в зеркало.

– А как же?

– Он какой-то молодой да веселый. Несерьезный. Чем он нам помочь может?

– Можно быть молодым и умным одновременно, – возразила Дороти. – К тому же он младше тебя только на шесть лет. Да и что, человек не может повеселиться немного? Он же устал с дороги. Эти качества никак не определяют его профессионализм.

– Дорогая Дороти, – Альфред вздохнул, перевел взгляд на жену и продолжил после некоторой паузы: – Я в этой жизни видел больше людей, чем ты. Влиятельных людей. И могу тебе сказать, как их характер сооности... соотонс... соотносится с их профессионализмом.

– Люди, с которыми ты общаешься в мэрии, – звери, Альфред. Единственный их профессионализм заключается в умении пожирать друг друга да обворовывать простой народ.

Альфред в темноте подобрался к кровати и сел на ее край.

– Ты не самая умная здесь, Дороти. Если этот Гаст – шарлатан, я выставлю его вон.

Муж погрузился в холодные перины и вскоре тяжело засопел. Дороти положила руки на одеяло. Она не могла сомкнуть глаз. А что, если Альфред узнает, что Пол приехал лечить его, а не искать призраков? Не выставит ли он его за порог? Даже если на трезвую голову он никогда на это не

осмелится, будет ли он сотрудничать с Полом? Что, если Пол и вовсе заберет ее мужа в дом для душевнобольных? И почему эта мысль возникла так поздно... Светлое будущее Дороти заволочло тучами.

На следующий день она обнаружила Пола за утренним кофе. Он читал книгу на веранде, теплые лучи грели его синюю жилетку и отутюженную рубашку.

– Доброе утро, мистер Гаст! – звон женского голоса заставил гостя слегка вздрогнуть, а после поднять дружелюбный взгляд. – Вы не будете завтракать с нами? Моника уже заканчивает готовку.

– Доброе, госпожа де Лордес! – мужчина развернулся в кресле и закрыл книгу. На его лице появилась фирменная улыбка. – Вынужден отклонить приглашение, я уже позавтракал. Ваша прислуга очень любезна. Я просто привык вставать рано. Надеюсь, я вас не обижу своим отсутствием.

– Совсем нет, – улыбка Дороти вдруг исчезла, уступив место серьезности. – Пол... Я хотела бы поговорить с вами насчет моего мужа.

Гаст поставил кружку и сосредоточил взгляд на глазах Дороти.

– У вас есть какая-то информация, которую вы не сообщили в письме?

– Нет, не совсем... Дело в том, что я не хотела бы, чтобы Альфред оказался в доме для душевнобольных. Я не для этого звала вас. Я просила дружеской помощи.

– Не могу обещать, Дороти. Если ваш муж опасен для общества или находится в крайней стадии какого-либо заболевания, моим долгом будет увезти его, – холод его голоса контрастировал с теплым утром. Заметив тревогу в глазах женщины, Гаст поспешил добавить: – Но я сделаю все, что в моих силах, чтобы этого не произошло.

Позднее днем господин де Лордес и господин Гаст остались наедине в кабинете. Альфред сидел в своем любимом кресле, но не погружался в него, а опирался на колени. Пол размеренно ходил вдоль длинных стеллажей, рассматривая коллекцию статуэток отца господина де Лордеса.

– Что Дороти рассказала вам? – наконец прорезался голос Альфреда.

– Вас преследуют пугающие образы.

– Образы? Господин Гаст, позвольте уточнить, каков род вашей деятельности? – пытаюсь заглянуть в глаза своему собеседнику, Альфред нагнулся вперед, но тот стоял вполоборота, не отрывая взгляда от витрины.

– Я хочу быть с вами честен. Дело в том, что я – психиатр.

Глаза Альфреда расширились, заняло под ложечкой. Как он доверял жене – а она решила упечь его в дом для умалишенных! Он должен выгнать шарлатана немедленно, как и пригрозил вчера.

– Мне не нужен психиатр. Я думал, вы приехали сюда помочь, но вы...

– Послушайте, господин де Лордес, – Гаст, наконец, по-

вернулся, голос его был гипнотизирующим. – Я и приехал сюда помочь вам. Это правда. Моя цель не забрать вас в больницу. Моя цель – исключить вероятность того, что вы больны.

Альфред сощурился, пытаясь всмотреться в глаза доктора, что были в его собственной тени. Когда зрительный контакт грозил оказаться затянувшимся, Гаст продолжил свою речь:

– Я хочу, чтобы вы доверились мне. Подумайте, что, если вашей семье не угрожает опасность? Что, если это все нереально? – глубокий баритон обволакивал сознание собеседника с каждым словом. – Результат ваших потрясений. Попробуйте вообразить, что я избавлю вас от видений, и вы сможете продолжить спокойную счастливую жизнь гражданина, любимых людей которого никто. Не. Преследует.

Альфред потер переносицу и ненароком поискал взглядом часы, но их стекло отсвечивало.

– Я уверен в том, что видел.

– В таком случае вам абсолютно незачем меня бояться. Ведь если преследователь действительно существует, мы с вами это докажем.

Глава 5

Субботний день почти никогда не проходил у Мелиссы без встреч и прогулок. Тем сильнее чувствовалось одиночество сейчас. Переписки, чаты, беседы. С каждым разом Мелисса описывала будни для своих друзей все менее подробно. Было лень дублировать, лень припоминать детали и вводить новых знакомых в повествование. Мелиссе не хотелось возвращаться в события школьного дня, сидя дома на пледе с кружкой какао и ноутбуком.

Она толком не знала, как проводить два свободных дня, не выходя из дома. Поэтому, когда мама позвала ее съездить за продуктами, Мелисса бодро согласилась. Заправив в свободные джинсы полосатый свитер и зашнуровав грубые бордовые ботинки, Мелисса накинула джинсовку на плечи и выскользнула из дома вслед за мамой. Миссис Санлайт сядилась в машину, как вдруг заметила на соседнем участке хлопчущую в саду миссис Хантер. Они помахали друг другу руками.

– Надо же! Соседи все-таки существуют, – воскликнула мама.

Мелисса невольно съежилась, вспоминая их первую встречу. Вчера они просто молча разошлись. Теперь ей будет жутко возвращаться одной домой, зная, что Нил Хантер может быть где-то неподалеку. Он казался непредсказуемым.

– Сивилла издалека выглядит так молодо, – продолжала говорить миссис Санлайт, когда машина вырулила на узкую дорогу со двора. – Двадцать лет прошло, а она даже прическу ту же носит.

– А этот... Нил. Он вроде был пухлым, – осторожно уточнила Мелисса.

– А ты и Нила видела? И как он, хорошенький?

Мелисса не пыталась оценить его внешность по этой характеристике, но нет, Нил не был хорошеньким, хотя его угловатые черты казались по-своему интересными.

– Он взрослый, мам, и странный.

– Взрослый? Ну-ка посчитаем... – мама постукивала указательным пальцем по рулю. – Ему не больше двадцати пяти.

Машина проехала мимо злосчастной пекарни. В приоткрытое окно потянуло запахом выпечки. Казалось, даже из окна можно было разглядеть посыпанный белым порог.

– Продавщица в пекарне знает, кто я такая, – вдруг вспомнила Мелисса.

– В Миднайт Хилле все знают все про соседей. Чем старше человек, тем больше радиус взаимодействия.

Автомобиль заехал на парковку перед супермаркетом. Двухэтажное прямоугольное здание со стеклянным фасадом пестрило вывесками с дизайном двадцатилетней давности. Название тоже было без изысков: «Супермаркет 24». От соседней заправки сильно несло бензином.

Машин здесь было много, ходили люди с тележками и па-

кетами. Возможно, жизнь в Миднайт Хилле была сконцентрирована вокруг этого оплота пищи.

Внутри было довольно просторно. Невнятная монотонная музыка доносилась из колонок под потолком. Мама доверила Мелиссе возить тележку, а сама бегала вдоль рядов. На полках попадались раритетные бренды, которых уже не встретишь в Нью-Дарши.

Миссис Санлайт застряла в отделе с дешевыми безделушками для дома, а Мелисса направилась в соседний со снеками. Она хотела взять себе хлопья и шоколадные шарики, шерстила по полкам взглядом, пока не уперлась в работника зала, который выкладывал товар на нижние полки. Он встал, чтобы дать Мелиссе пройти. От вида рыжей макушки она замерла.

Хьюго тоже замер. Он был в синем фартуке с названием магазина. Сзади волосы были собраны в маленький хвостик, а передние пряди все так же упрямо лезли на глаза. После неестественно долгой паузы Мелисса все же воскликнула:

– Воу! Ты работаешь в супермаркете, – Хьюго кивнул. – Молодец, это похвально.

Мелисса наклонилась, взяла хлопья и кинула их в тележку.

– Ну, я пошла.

Глаза Хьюго забегали, когда Мелисса разворачивалась, пальцы мяли коробку.

– Послушай! – воскликнул он, и Мелисса обернулась. –

Ты пропустила урок в пятницу. И не пришла в столовую.

– Было такое.

Волнение Хьюго проступало через движение губ, дыхание и попытки окончательно не смять коробку в руках. Мелисса молча ждала.

– Знаешь, Роланд, он...

– Я понимаю, Роланду некомфортно оттого, что я сижу с вами. Не волнуйся, я больше не буду вас беспокоить. Ты ведь про это хотел сказать?

– Да.

– Понятно.

Мелисса поспешила вернуться к маме. В груди давило от обиды. Чертова Джули-Лу оказалась права. Миссис Санлайт все не могла определиться с цветом кухонных полотенец.

– В Нью-Дарши такие стоят в два раза дороже, – заверила она.

От Мелиссы все отвернулись. Потому что она из города? Потому что навязчивая? Кто бы объяснил ей, что она делает не так... Куда ей садиться в столовой? Брать еду с собой и есть ее в классах? Это не отменяет того факта, что ей даже не у кого спросить, как дела.

Мелисса поглядывала в проходы в поисках Хьюго, пока они с мамой перемещались по магазину, но больше он ей не попался. Ей было интересно общаться с ним и Ламмертом. Хоть до ушей и доносились грубые слова учеников, режущие без ножа, в их компании Мелисса могла быть сама собой.

Странно, что старший брат ограничивает круг их общения. С другой стороны, может, они все не хотят с ней общаться, а Роланд – это только повод.

На кассе Мелисса бросила на ленту пару шоколадных батончиков и вдруг замерла от звука своего имени. Неподалеку стоял Хьюго, сминая в руках синюю форму. В коричневом свитшоте он выглядел непривычно и даже несколько уютно.

– Есть время поговорить? У меня обед.

Мелисса перевела взгляд на маму. Миссис Санлайт пыталась определить по взгляду дочери, хочет она, чтобы ей разрешили или чтобы не разрешили. Мелисса и сама не знала. Она была угрюма и подавлена, не хотела слышать объяснений. Или очень хотела услышать.

– Да, я планировала зайти в соседние магазины, – сказала мама под писк кассы. – Минут на двадцать.

Хьюго помог донести покупки до машины, миссис Санлайт спросила его имя и все время улыбалась. Когда женщина скрылась из виду за дверями соседнего одноэтажного здания, испещренного рекламными плакатами со скидками, Мелисса и Хьюго присели на скамейку рядом с супермаркетом. Шершавые деревянные доски зацепили кудри на спине, потому Мелисса подвинулась на край. Юноша достал контейнер с едой и жадно надкусил сэндвич.

– Прости, я просто очень голодный.

– Все нормально.

Мелисса смотрела по сторонам. Что он должен сказать,

чтобы она перестала чувствовать неприязнь ко всей ситуации?

– Здесь ужасно пахнет бензином, – заметил Хьюго. – Я ненавижу этот запах. Он преследует меня по всему магазину.

Нос и правда слегка морщился от резкого запаха. Мелисса кивнула.

– Я хотел объясниться, – наконец неуверенно начал он. – Нам с Ламмертом нравится с тобой общаться, – сердце Мелиссы сжалось от такого внезапного откровения. – Просто... наше общение привлекает много внимания. Я имею в виду... – Мелисса посмотрела на Хьюго, и он запнулся. – Про тебя уже начали говорить неприятные вещи из-за нас. Я слышал.

– То есть Роланд тут ни при чем?

Хьюго потер глаз и вздохнул.

– Роланд – необщительный человек. В столовой у него безопасная зона, где только близкие, поэтому ему не по себе от нахождения рядом кого-то незнакомого. Мы подумали, что такое решение будет лучше для всех. Для твоей репутации в том числе.

Мелисса присмотрелась к Хьюго. За кудрявой челкой, на носу, кажется, были веснушки. Прямо как у нее. У парня запершило в горле, он отвернулся и почесал нос, словно пряча от Мелиссы ее находку.

– Мне тоже нравится с вами общаться, – открылась Мелисса. – Вы не плюетесь во всех окружающих ядом, – она

вспомнила злостные тирады Ламмерта в сторону Джули-Лу и некоторых учителей. – Ты. Ты не плюешься.

Миссис Санлайт вышла из магазина и помахала им рукой. Мелисса было привстала, но мама жестом сказала ей сесть и направилась к другому зданию.

– У тебя классная мама.

– Да, – усмехнулась она. – И чудная. Наверное, потому, что выросла здесь.

Мелисса хотела спросить про его маму. Его, но не Ламмерта и Роланда.

– А твоя мама, какая она?

– Я о ней ничего не знаю. Не подскажешь время?

Мелисса вытащила из кармана джинсов телефон и показала время Хьюго.

– Осталось пара минут, – сказал он и встал со скамейки.

– Тогда до понедельника?

– Мелисса... Из-за нашей компании у тебя могут возникнуть неприятности. Про тебя уже говорят очень неприятные вещи, от которых мне не по себе.

– Какие? – с ухмылкой спросила она.

– Не заставляй меня произносить.

– Про дешевую шлюху или высокомерную городскую суку?

Мелисса встала и положила руку Хьюго на плечо. От неожиданного прикосновения он напрягся. Хьюго был выше всего на полголовы, но из-за телосложения казался намного крупнее Мелиссы.

– Мне доводилось сталкиваться с неприятностями. Из них я вынесла урок: делай так, как подсказывает сердце. До понедельника, Хьюго.

Мелисса быстрым шагом направилась к маме, закончившей с покупками. Хьюго наблюдал, как подпрыгивают густые распущенные волосы. Она не понимала, на что соглашается. Он сам хотел узнать Мелиссу поближе, но ему было страшно.

Очередной понедельник наступил быстрее, чем рассчитывала Мелисса. Она заняла в школьном автобусе место поближе к выходу, чтобы братья наверняка прошли мимо нее, если они вообще собираются сегодня к первому уроку. Ей было интересно, как будет действовать Хьюго. Что он надумал? Она боялась представлять, что случится, если их разговор ни на что не повлиял.

Мелисса нервничала весь путь до школы и ждала остановки, на которой зайдут де Лордесы. Она обратила внимание, что за окном стало появляться много заброшенных домов. Высокие особняки и низкие деревянные строения были с разбитыми и заколоченными окнами, кое-где обвалены этажи и крылья зданий. Здесь де Лордесы и поднялись в автобус.

Первым зашел Роланд. Он будто высматривал кого-то в автобусе, а когда его ледяной взгляд остановился на Мелиссе, она невольно сжалась. Из-за плеча юноши показалось радостное лицо Ламмерта. Он протиснулся мимо брата и рух-

нул в кресло рядом с Мелиссой. Роланд и Хьюго сели сразу позади них.

Широкая улыбка не сходила с лица Ламмерта. Он все пытался удобнее усесться, ерзал, словно пес, кружащий на подстилке перед сном. Кутался в облупленную кожаную куртку, которая по виду могла принадлежать его деду.

Брови Мелиссы в удивлении полезли на лоб. Взгляд скакал от брата к брату. Роланд отвернулся к окну. Хьюго приветственно махнул рукой, Мелисса успокоилась и улыбнулась.

– Сегодня мы, кажется, дежури́м вместе, – вместо приветствия произнес Ламмерт, дав начало болтовне, которая не прекращалась всю дорогу.

Только при выходе из автобуса Мелисса заметила, сколько внимания притягивала их компания. Клэр, обычно дружелюбно здоровающаяся с ней, на этот раз опасно покосилась. Все ребята в автобусе небрежно толкали ее в проходе, торопясь к выходу, кто-то даже наступал на ноги. Мелиссе очень не хотелось связывать этот факт с ее новой компанией.

Роланд отделился, как только они вошли в школу. Только теперь Мелисса почувствовала себя достаточно смелой, чтобы задать так волнующий ее вопрос.

– Роланд больше не против?

– Он проиграл в голосовании, – только и ответил Ламмерт, артистично подмигнув.

Легкая улыбка играла на лице Мелиссы, пока они пере-

одевались и шли к лестнице. Вдруг лицо Хьюго изменилось, изобразив крайнее отвращение. Он принюхался и оскалился. Оба его спутника взглянули на юношу с недоумением.

– Чувствуете? – снова поведя носом, спросил он. – Жуткий запах?

Мелисса и Ламмерт тут же принюхались, но ответили отрицательно.

– Точно? Ну ладно, может, показалось.

Однако, когда ребята вошли в класс, в нос ударила отвратительная вонь. Резкий запах тухлятины и каких-то химических растворов будто разъедал нос изнутри, забираясь в горло. Тошнота подступила мгновенно. Мелисса замерла на пороге, Хьюго поспешил открыть окно. В пустом кабинете стоял чудовищный смрад. Никого не было. Только на третьей парте среднего ряда лежал целлофановый пакет, наполненный чем-то темным и бесформенным.

Это была ее парта. Парта Мелиссы. Стол был испещрен надписями, содержимое пакета вывалено на парту и на стул. Она глубоко вдохнула там, где воздух казался свежим, поймала на себе взгляд Хьюго и героически зашла в кабинет.

«Уродливая стерва», «заносчивая сука», «умри», «ты здесь никому не нужна». Буквы разгрызали стол чернилами маркера. Злостные, кривые буквы.

Находясь в шаге от стола, Мелисса закашлялась и с отвращением отвернула голову. На глазах проступили слезы. То ли от запаха, то ли от внутренней горечи, то ли от всего вме-

сте.

Ламмерт выронил несколько смачных и красноречивых ругательств, изучая парту.

– Это она сделала, да? – прохрипела Мелисса.

Дыхание сбилось, будто она вот-вот заплачет. На глазах проступила краснота. Хьюго уже дернулся в ее сторону, чтобы утешить, еще не представляя, что хочет сделать – что-то сказать или просто дотронуться – как вдруг Ламмерт, сжав кулаки, яростно рыкнул:

– Мы разберемся с этими ублюдками!

Этот возглас даже немного испугал Мелиссу, и она замерла, подняв взгляд на юношу. В глазах Ламмерта сверкали искры гнева. Он аккуратно, но хватко взял пакет и понес его прочь из класса, будто намеренно топая особенно громко.

Вошел мистер Спаркстон, учитель биологии, и увидел Ламмерта с пакетом, издававшим омерзительный запах. Мелисса и раньше замечала, что у мужчины к братьям особая личная неприязнь, в частности к Ламмерту, но сейчас он просто с цепи сорвался.

– Черт возьми, де Лордес, что за дрянь ты притащил в школу?! Ты что, на свалке живешь или в каком-то поганом отстойнике?! У тебя хоть какие-то понятия о здравом смысле в безмозглой голове остались?

– Это не мое!!! – заревел Ламмерт.

– Конечно! Скажи еще, что здесь нашел! Нет в школе мусорщиков кроме тебя, кому бы воспитание позволило сотво-

ритель подобное!

Секунда – и содержимое зловонного пакета оказалось у биолога на рубашке. Ламмерт пускал пар из ноздрей, словно бык на корриде. Мелисса и Хьюго не отрывали ошеломленного взгляда от происходящего.

На несколько мгновений в классе повисла тишина, пока, наконец, учитель не пришел в себя после такого невиданного по дерзости поступка.

– Ах ты, грязный... паршивец! Тебе это с рук не сойдет, слышишь?! Ты из этой школы вылетишь быстрее пробки! Работу не найдешь и подохнешь в какой-нибудь канаве от нищеты! Ты ненормальный, дикий, неуправляемый!.. – казалось, что биолог сейчас захлебнется слюной, но это было вовсе не смешно. Было страшно. А еще всех присутствующих переполняла ненависть.

– Да-да, мистер Спаркстон, я сама видела, как де Лордес готовил эту отвратительную смесь неподалеку от школы!

Этот голос... Ох, сколько бы Мелисса отдала, чтобы хоть сейчас не слышать его.

В дверях стояла Джули-Лу, а из-за ее спины выглядывали любопытные и ошарашенные лица их многочисленных одноклассников. На ее лице было полное фальши выражение... искренности. Но учитель и так поверил бы ей, потому что староста сказала именно то, что он хотел услышать.

– Ах ты, лживая тварь! – гневно закричал Ламмерт, бросившись на Джули-Лу и жалея лишь, что не может размазать

зловонный пакет еще и по ней.

За один момент Ламмерт преодолел расстояние, отделявшее его от Джули-Лу. Он бы вцепился ей в горло, если бы мистер Спарктон его вовремя не поймал. Учитель заломил ему руки за спину, но в юношу словно вселился демон. Он вырывался с такой силой и яростью, что староста даже в страхе отступила на пару шагов назад. В кабинете стоял хаос. Мистер Спарктон без устали придумывал новые угрозы Ламмерту, если тот сейчас же не успокоится, гневаясь на ученика, как только позволяли цензурные выражения. Ламмерт же на слова не скупился. Брыкаясь в тисках учителя, он громко бранился на Джули-Лу и мистера Спарктона так, что из приличных слов оставались только местоимения. Староста же, осмелев, продолжила клеветать на юношу, подливая масла в огонь.

Мелиссе с каждой секундой от происходящего становилось все сквернее. Она уткнулась взглядом в испорченную парту. «Ты здесь никому не нужна».

Наконец в кабинете с отвратительным запахом атмосфера накалилась до предела. Мелиссе стало казаться, что пространство вибрирует, словно класс был вагоном, который сдвинулся с места.

Хьюго вдруг сорвался и бросился к Ламмерту. Он схватил брата за подбородок и резко повернул к себе.

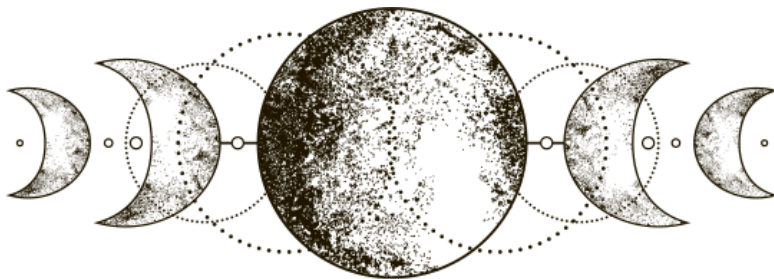
– Остановись, – сквозь зубы произнес он. – Что ты творишь...

Ламмерт ослабил хватку. Мелисса подняла огромные влажные глаза от парты. Ее подбородок отчаянно дрожал. Ламмерт поник. Взгляд остекленел, рот распахнулся, а все тело стало ватным. Он перестал сопротивляться и еле стоял на ногах. Спарктон выволок его из класса.

Мелисса сидела на соседней парте, прерывисто заглатывая воздух, окруженная толпой любопытных школьников, сбежавшихся на крики.

Хьюго же метался между тем, чтобы последовать за братом и тем, чтобы утешить Мелиссу. Положив тяжелую горячую ладонь ей на плечо, он бормотал невнятные слова утешения, решив, что Ламмерт его поймет.

IV

Октябрь, 1898

Солнце подходило к зениту, а Дороти еще не покинула постель. Моника принесла ей ведро и села с сочувствующим взглядом подле на пуф. Они так и не смогли найти общий язык с тех самых пор, как четыре года назад Альфред привел невесту в графское поместье. Однако сейчас Дороти впервые нужен был ее совет. Она не хотела никого беспокоить своим недомоганием прежде, полагая, что оно вызвано переживаниями о муже. Но сейчас прохлада железного ведра в ладонях напомнила, что о себе тоже надо заботиться.

– Может, вы беременны? – озвучила ее тревогу Моника. Дороти глубоко дышала над ведром, стремясь пода-

вить подступающую тошноту. Прежде ее обрадовала бы эта мысль. Роду нужен был наследник, которого ждал чуть ли не весь город. Разговоры о юном де Лордесе так или иначе подкрадывались на каждом приеме и бале. Дороти знала, что из-за их бездетности уже который год над ними подшучивали как близкие друзья, так и обычные горожане. Она была бы счастлива сбросить с себя бремя прокаженности и неполноценности. Если бы ее муж не сошел с ума.

– Пошли за лекарем, Моника.

Экономка встала и кивнула.

– Прислать к вам какую-нибудь девку, чтобы приглядывала?

– Будь добра.

Дверь закрылась, оставив Дороти наедине с тревогами. Ее бабушка была умалишенной, так что она не понаслышке знала о том, каким грузом становятся сумасшедшие родственники. Так она и познакомилась с Полом Гастом. Он был ассистентом доктора. Совсем юный очаровательный студент и она, улыбающаяся девочка, часто пересекались в коридорах лечебницы и небольшой уютной гостиной особняка семьи Милт, где Дороти играла ему на фортепиано «К Элизе». Она знала, что Пол – хороший человек, что ему можно доверять. Она пообещала ему большие деньги. Он обязан вылечить ее мужа, особенно сейчас, когда в их семье возможно пополнение. Дороти не рассчитывала, что выгодное замужество на главном женихе Миднайт Хилла может обернуться для нее

пожизненным адом. Этого не случится.

Альфред погрузился в бархатные изумрудные подушки с серебристой тесьмой, привезенные в подарок с востока. Он неловко закинул ноги на диван, как ему посоветовал господин Гаст, и, сняв очки, запрокинул голову. По потолку вилась лепнина с узором из дубовых листьев. Потная ладонь сжимала винный бокал. Глаза то и дело находили спину Гаста в яркой жилетке цвета индиго. Он не мог расслабиться в его присутствии.

– Потрясающая вещь, настоящее искусство, – произнес доктор, осматривая раструб граммофона и резьбу на ручке. – Вы позволите?

– Конечно.

Альфред снова сел на край дивана, вытерев ладони о жилетку, и скомканно нацепил на нос очки, желая четко видеть все, что делает Гаст.

– Что ваше любимое? – обратился к нему доктор, перебирая пальцами пластинки.

– «К Элизе».

Гаст улыбнулся, вспомнив, сколько раз слышал ее в исполнении Дороти. Сквозь шелест слышались звуки фортепиано.

– Ваша жена сильно вас любит, господин де Лордес. Вы счастливчик. Она желает вам только добра. Можете мне поверить, такие женщины – редкость.

– Благодарю. Но к чему эти светские беседы? Когда вы

уже начнете меня лечить?

– Когда пойму, что вы больны, – обернувшись, Гаст отметил нервно дергающееся колено, повышенное потоотделение и лихорадочный взгляд. – Я же вижу, что вы абсолютно адекватный человек. Просто расскажите, что случилось. Постарайтесь отметить все детали.

Альфред насупился. Он ожидал промывания мозгов, таблеток и какого-нибудь гипноза, но Пол Гаст был слишком дружелюбным и непосредственным для человека, желавшего уечь в сумасшедший дом.

– Моего отца убили. Я следующий.

Граммфон зашуршал, Гаст поднял иглу и неспешно погрузился в кресло напротив. В его руке тоже было вино, которое он глотнул только сейчас.

– Вы все видели, – скорее утвердительно произнес он.

Альфред нервно закивал и глубоким глотком осушил половину бокала.

– Мой отец был не самым хорошим человеком, но даже он не заслужил такую жестокую смерть.

– Почему вы считаете, что будете следующим?

Альфред приглушенно засмеялся. Словно услышав его, вороны на заднем дворе закричали наперебой, вздымаясь с веток. Болезненный и хриплый смех резко оборвался. Альфред встал с дивана, бесцветные глаза уставились на собеседника.

– Вы верите в сверхъестественные силы, доктор Гаст?

– Я их не отрицаю. Но все же предпочитаю верить только в то, у чего есть доказательная база.

– Понимаю вас, – Альфред судорожно облизал сухие губы и медленно подошел к господину Гасту. Тот невольно сжал бокал, вдруг вспомнив, как один из пациентов похожим образом смотрел на него, прежде чем наброситься с заточкой. Альфред нагнулся и зашептал. – Ночью пятеро горожан разорвали тело моего отца с нечеловеческой силой, разбросав останки по площади. Разорвали руками, понимаете? Я слышал, как трещала его плоть.

Гаст задышал чаще и сглотнул.

– Среди них была девушка, совсем юная, – продолжил Альфред, будто даже не моргая. – С черными длинными кудрями. Она смотрит на меня по ночам через окна спальни на третьем этаже. Хватит ли вам таких доказательств, доктор Гаст? Мне хватило.

Альфред поставил недопитое вино на столик. В бокале словно концентрировалась его зловещность, потому как неловкость и неуклюжесть вернулись к господину де Лордесу незамедлительно. Он неловко поправил на носу очки и полез в нагрудный карман за часами. Пальцы его не слушались, губы искривились в нелепой улыбке, словно извиняясь за излишнюю нерасторопность. Господин Гаст же пытался прийти в себя.

– Думаю, на сегодня хватит, доктор, – наконец сказал Альфред, посмотрев на циферблат. – У меня дела в городском

совете.

В спальню вошла Зои. Дороти невольно дернулась при виде служанки и не сразу смогла отвести взгляд от изуродованных губ. Каждый раз она жалела девушку, но сейчас та стояла истуканом рядом с кроватью, тревожно вперившись в ее глаза и сжимая в коротких кривоватых пальцах баночку с порошком.

– Что это у тебя? – спросила Дороти.

– Если пофолите, госпоша, – Зои не выговаривала половину букв, поэтому Дороти старательно напряглась, чтобы разобрать ее речь. – Это соль. Следует пошпытать подоконники, штобы мертвяки не бешпокоили нашего господина.

Дороти от злобы сжала пустое ведро.

– Ах ты, дрянь! – вдруг прыснула она так резко, что голова начала болеть с двойной силой. – Пошла вон отсюда со своими мертвяками!

Железное ведро полетело в служанку. Хоть та и поспешила ретироваться, обод полоснул ей по скуле, отчего Зои болезненно пискнула. Она подобрала ведро, прижала к груди банку с солью и виновато выскользнула за дверь. Дороти завывала от собственной жестокости.

Глава 6

На уроке было на удивление тихо. Парта справа пустовала. Хьюго иногда оборачивался. Мелисса знала, что за рыжими кудрями прячутся беспокойные глаза. Весь класс перешел в другой кабинет, Ламмерта же оставили отмывать парту. Джули-Лу вела себя как обычно, чем бесила Мелиссу до скрежета зубов.

Мелисса не могла поверить, что кто-то может так нагло подставлять невинных людей. В ее голове все еще раздавался голос старосты: «Я сама видела, как де Лордес готовил эту отвратительную смесь». Казалось, братья могли вообще не делать ничего странного, просто Джули-Лу талантливо поддерживала их репутацию подобными выходками.

После звонка Мелисса полетела бы из класса, чтобы поскорее ото всех спрятаться, но Хьюго почему-то долго собирал свои вещи и смотрел в пол. Она не могла уйти без него. Остаться совсем одной было слишком страшно. Мелисса ждала его у дверей.

– Как ты могла так мерзко поступить с Ламмом? – вдруг рыкнул он в сторону старосты. Класс замер. Мелисса никогда не слышала, чтобы Хьюго говорил так громко, однако взгляд его был так же устремлен вниз.

– Как – мерзко? – тут же отозвалась Джули-Лу. – Сдала с потрохами за сделанную им гадость?

– Ты знаешь, что он не делал этого!

– Я знаю, что делал! Только ваша семейка способна на такое.

Хьюго глубоко дышал. Наконец он поднял глаза на старосту, уверенно вдохнул, но Джули-Лу не дала ему говорить:

– Если подумать, это мог сделать даже ты, – низким голосом произнесла она, а затем ухмыльнулась. – Санлайт, ты вот спрашивала, что же такого делали де Лордесы, – Мелисса неохотно посмотрела в сторону старосты. – Так вот я тебе расскажу. Шестой класс. Утром я нахожу свой стул изрезанным, сломанным, без ножки. В какой-то слизи. Остальные стулья стоят как по линейке. Я плакала, Санлайт, как и ты. Я не знала, кто и почему так поступил со мной, – к горлу Мелиссы подкатил ком. – Но я заметила одну вещь: на стуле не было маленького сердечка, которое я нарисовала за год до этого. Благодаря ему я нашла свой стул. Он стоял за партой Хьюго, – одноклассники закивали, посмотрев на него, снова сжавшегося и уткнувшегося в пол. – Потом выяснилось, что Хьюго оставался за день до этого допоздна. Переписывал контрольную, которую я дала списать всем, кроме него и Ламмерта. А потом дежурил в нашем классе. Он клялся, что не делал этого. Так же убедительно, как выгораживает брата сейчас.

Джули-Лу гордо вышла из класса мимо Мелиссы и Хьюго. Одноклассники зашептались, вспоминая этот случай. Мелисса же запуталась окончательно.

Они шли по коридору молча. Хьюго засунул руки в карманы и задумчиво смотрел под ноги. Мелисса бы с удовольствием послушала про то, что история – наглая ложь, но он не произнес ни слова.

Зловоние повисло в коридоре. Мистер Спарктон кричал в открытую дверь класса:

– Я же сказал, закрой дверь, вонь на весь коридор!

– А как я буду здесь находиться? Нужен же сквозняк! – послышался голос Ламмерта из класса.

– Нужно было думать об этом, когда нес сюда эту дрянь!

Учитель со всей силы хлопнул дверью, от чего Мелисса дернулась. Мистер Спарктон переоделся в спортивную футболку, обтягивающую живот. Вряд ли они когда-нибудь снова увидят его в любимой вязаной жилетке желто-зеленого цвета, которой наверняка помочь могла только химчистка. Мужчина увидел Хьюго и Мелиссу и, недовольно фыркнув, одернул одежду, развернулся и ушел.

Они подошли к двери кабинета, которая вдруг резко распахнулась, ударив Мелиссу по лбу. За ней стоял злобный Ламмерт в целлофановом фартуке и резиновых перчатках, который при виде ребят тут же расплылся в улыбке.

– Этот червяк считает, что нужно держать дверь закрытой. А я считаю, что он может идти в жопу. Как только он до нее доходит, я открываю дверь обратно.

Мелисса хихикнула, потирая ушибленный лоб. Хьюго тоже улыбнулся. Все напряжение развеялось от беззаботной

речи Ламмерта. Он говорил о запахе и о том, что парта не отмывается, что он рад прогулять все уроки, и о запахе. И о том, что сегодня соберут комиссию для его отчисления.

– Что? – ошарашенно перебила Мелисса. – Они даже не будут разбираться, кто это сделал?

– Не парься, – махнул рукой Ламмерт. – Сколько раз меня пугали этой комиссией. Все будет нормально.

В классе было холодно: окна открыты нараспашку. Несмотря на это, казалось, что если просидеть тут всю перемену, то форма насквозь пропитается запахом тухлятины. Мелисса лишь мельком взглянула на свою испорченную парту, с удовольствием согласившись пройти до туалета, единственного места, куда Ламмерту можно было выйти.

По коридору шла Джули-Лу. Ее голос беззаботно журчал в уши Клэр, мягкие волосы покачивались за спиной. При виде Ламмерта она замерла и еле заметно сжалась. У юноши заходили желваки, а руки сжались в кулаки так, что костяшки побелели на и без того молочной коже.

Ламмерт сорвался с места. Хьюго дернулся вслед за ним.

– Я тебе шею сверну, сука! – проревел Ламмерт, замахнувшись на старосту.

Глаза Джули-Лу распахнулись, и она попятилась назад, сжав ручку сумки.

– Если свернешь, точно вылетишь из школы, – выпалила она, и голос сорвался. Заметив, что ее слова возымели эффект на Ламмерта, она выпрямилась и продолжила. – Бу-

дешь тупым и нищим. Не найдешь работу. И станешь обузой для своей семьи.

Ламмерт так и стоял с поднятой рукой. Он тяжело дышал, губы дергались, а зубы могли бы треснуть от напора друг на друга. С оглушительным рыком он ударил по воздуху и словно плюнул старосте в лицо: «Тварь!» От его движений Джули-Лу съежилась и прикрыла голову рукой. Поняв, что Ламмерт так и не ударил ее, она открыла глаза, выпрямилась, убрала волосы за уши и как-то нервно ухмыльнулась. Мелисса заметила, что руки у нее дрожали. Джули-Лу хотела что-то крикнуть в спину Ламмерту, но сжала губы и стремительно зашагала к туалету. Бетт не было поблизости, лишь Клэр, бесконечно испуганная, побежала вслед за подружкой.

Джули-Лу вцепилась в раковину и смотрела на свое отражение. Испуганное лицо вперилось на нее из зеркала. Дыхание все еще было прерывистым, сердце колотилось. Клэр стояла рядом, не решаясь дотронуться до старосты.

– Джули, его обязательно сегодня отчислят. Ему уже давали последнее предупреждение, – пролепетала она.

– Да, и несколько раз, – прохрипела староста.

Из кабинки вышла Бетт. Она подошла помыть руки. Опасливо оглянулась, убедившись, что в туалете больше никого нет. Бетт улыбалась, глядя на Джули-Лу через зеркало.

– Это я, – гордо произнесла она.

Джули-Лу медленно перевела на нее взгляд. Дышать стало тяжело.

– Что – ты?

– Я подкинула этот пакет, – приняв остекленевший взгляд подружки за восхищение, Бетт увлеченно заговорила. – У меня был тако-о-й план! Я приехала рано утром. Говорила всем нашим, что занятия будут в другом кабинете, чтобы они не нашли этот пакет первыми. А в итоге нас и перевели в другой кабинет, так что никто ничего не понял! Еще так удачно совпало, что в пятницу они перестали общаться. Я как раз подумала, что это отличный мотив. Теперь де Лордеса вышвырнут отсюда, как мы всегда и мечтали! Джули, мы наконец-то сможем жить спокойно!

Звонкий хлопок оборвал ликование Бетт. Она схватилась за щеку. Джули-Лу грубо толкнула ее к стене. Клэр в панике закрыла дверь туалета, чтобы никто не мог зайти. Бетт вылупилась на старосту, зрачки недоумевающе дергались.

– Он утром чуть не сломал мне ребра, – процедила Джули-Лу. – Я, твою мать, думала, это сделал он! А это, сука, ты! Поэтому он так разозлился, – она закрыла ладонью лицо, массируя лоб. – Все в классе дрожало. Я чувствовала, что органы внутри меня сжимаются. Ребра гнулись. Я не могла дышать. А передо мной его глаза, и зрачки такие маленькие, – Джули-Лу наклонилась к лицу Бетт. – Он так кричал. Я думала, он меня убьет.

После небольшой паузы она добавила, нервно усмехнувшись:

– Если рассказывать такие истории Санлайт, она же меня

за сумасшедшую примет.

Бетт и Клэр тревожно переглядывались. В туалете разда-лось эхо от звонка на урок. Джули-Лу посмотрела на Бетт.

– Ты! – удар коленом в живот. – Виновата! – Джули-Лу толкнула девушку так, что та рухнула на холодную плитку, свернувшись калачиком. – Чтобы ты еще раз творила подобное без моего ведома! – она с размаха пнула подругу ногой, целясь в живот, но попала в локти, которые его прикрывали. – И я сама тебя убью.

После следующего урока Мелисса и Хьюго вновь пошли проведать Ламмерта. Разговор снова не заладился. Мелисса представляла, как Ламмерт беззаботно улыбнется при виде них и все негативное уйдет на задний план, а потом вспомнила, с какой яростью он набросился на Джули-Лу.

– Я немного побаиваюсь Ламмерта, – произнесла она, словно мысль, облеченная в слова, будет меньше ее тревожить.

– Он вспыльчивый, – отозвался Хьюго, – но не жестокий.

– Он бы не ударил Джули-Лу? – Мелисса приостановилась, чтобы заглянуть Хьюго в глаза, но волосы не дали ей прочесть эмоцию.

– Я... – Хьюго тоже остановился, – я не остановил его, чтобы проверить.

Медные волосы пылали в свете солнца. Мелисса сочла, что узнала что-то очень личное.

– Честно говоря, Роланд меня тоже пугает, – Мелисса за-

смеялась.

Хьюго недоуменно сдвинул брови, но затем улыбнулся от ее смеха и ямочек на щеках. Мелисса отошла с прохода к подоконнику, закинула на него сумку и запрыгнула сама. Она подтягивала гольфы, а Хьюго внимательно следил за ее пальцами с обшарпанным маникюром черного цвета.

– Почему ты засмеялась?

– Не знаю, – ответила она. – Показалось забавным, что я говорю это тебе. Типа: «Чувак, твои братья такие стремные», – она снова захохотала, болтая ногами. – Прости. Нет, на самом деле они классные. То есть, – Мелисса взглянула за плечо во двор, чтобы собраться с мыслями. По аллеям бродили ученики, как и всегда во время длинной перемены, – Ламмерт мило со мной общается, но я не чувствую себя в безопасности рядом с ним, когда вспоминаю, что он замахнулся на Джули-Лу.

– Ламм никогда не сделает тебе больно, – строго произнес Хьюго. Мелисса ему тут же поверила.

– А Роланд, он... Вообще не понимаю, как себя с ним вести.

– Я живу с ним уже семнадцать лет – и до сих пор не знаю этого.

Мелисса улыбнулась и перевела взгляд на Хьюго. Он тоже слегка улыбался, смотря на девушку исподлобья.

– Тебе тяжело с ними? – спросила Мелисса, но Хьюго лишь пожал плечами. – Я всегда мечтала о брате или сестре.

Но моя мама – тоже единственный ребенок в семье, как и папа. Такова судьба, видимо.

– С ними нелегко, – после небольшой паузы сказал Хьюго. – Один как будто на вечных похоронах. В гробу его эмоции, кстати. Рол такой: «Надо, чтобы все было логично и практично». Любые чувства только мешают принятию логичных решений. А у второго шило в... ну... – рядом проходила миссис Плом, и Хьюго осекся, а Мелисса засмеялась. – Хлебом не корми, дай покричать или кому-нибудь вмазать. За ним все время нужно присматривать. В то же время он очень... сентиментальный. С этим тоже надо осторожнее.

Мелисса с нежностью слушала рассказ Хьюго. В этой школе кто-то впервые открылся ей, и это был парень, который почти всегда молчит.

– Ты любишь своих братьев, – утвердительно произнесла Мелисса. – Это очень круто, – она смотрела Хьюго в глаза. Жаль, что их цвет было не различить – тень от девушки и его собственных волос падала на лицо. – В общем, ты ручаешься, что твои братья меня не покалечат? – задорно спросила Мелисса, спрыгивая с окна.

– Про Роланда речи не шло, – дождавшись гримасы от Мелиссы, Хьюго широко улыбнулся. Улыбка у него была неказистая, но выделяющиеся клыки придавали ей очарования. – Поверь, он не относится к тебе как-то особенно отрицательно. Это его стиль общения. Просто Рол к тебе еще... не привык.

Ламмерт наблюдал, как Хьюго и Мелисса, весело общаясь, пошли в класс после звонка. Он ждал их всю перемену, а потом отправился на поиски. Руки, волосы и одежда, пропахшие тухлятиной, теперь стойко воняли моющими средствами, образуя омерзительную смесь. Его правая рука устало ныла после попыток стереть оскорбления с парты Мелиссы. От вида их улыбок в груди неприятно сдавило.

Комиссию собирали во время обеда, до отъезда директора по каким-то, несомненно, важным делам. Хьюго и Мелисса нашли Ламмерта только тогда, когда его уже вызвали в кабинет. В коридоре стояла мертвая тишина. У Мелиссы неприятно скрутило живот от своих первых воспоминаний об этом месте. Казалось, здесь всегда было очень тихо, словно все ученики опасливо обходили этот этаж и эту рекреацию стороной. Хьюго и Мелисса слышали только дыхание друг друга. Девушка стояла, опершись спиной о стену, и вслушивалась в каждый шорох за дверью. Хьюго сидел на полу возле нее, но, казалось, ничего не слушал, слепо уставившись куда-то впереди себя. Сидеть в огромном мягком кресле сейчас казалось неуместным.

Вдруг из-за двери раздались чьи-то возмущенные голоса, затем послышался недовольный возглас Ламмерта, и все снова стихло.

Ожидание было невыносимо долгим. Минуты казались часами. От волнения Мелисса стала ходить из стороны в сторону, но шаги заглушали звуки из кабинета, и она встала

на прежнее место. Хьюго заметно волновался, нервно начал хрустеть пальцами. Видимо, заверения брата о том, что комиссией просто пугают, в этот раз не казались ему убедительными.

Вдруг в коридоре послышались чьи-то стремительные шаги. Они не особо волновали Мелиссу, мало ли кто мог проходить, скорее, они раздражали ее обострившийся слух. Но спустя пару мгновений она увидела того, кто породил страх и надежду. Приподнявшись, Хьюго тоже устремил на него испуганный взгляд.

– Я бы хотел узнать об отчислении своего брата от тебя, а не от этой чертовой змеи Притс, – ядовито произнес Роланд, обдав Хьюго презрительно-озлобленным взглядом.

Стальные глаза холодно и скоро изучили Мелиссу. Роланд остановился перед дверью, поправил галстук и, постукавшись и не дождавшись ответа, открыл дверь в кабинет директора.

– Прошу прощения за беспокойство, – учтиво начал Роланд и скрылся за дверью.

– Черт... – с отчаянием в голосе прошептал под нос Хьюго, съежившись и вцепившись в спутанные рыжие пряди пальцами.

Мелисса, взволнованная его поведением, присела на корточки и сказала:

– Не волнуйся, все будет в порядке.

Хьюго не отреагировал на ее слова.

Он же мог поступить иначе. Мог остановить Ламмерта, успокоить. Но он молча смотрел, как того захлестнула ярость. Он так устал от вспыльчивости брата, что хотел показать ему, какие могут быть последствия от такого безрассудного поведения, если рядом не будет его, Хьюго, вечно спасающего из передраг. Хотел преподать ему урок, который теперь может повести жизнь Ламмерта под откос. И всему виной он.

– Уверена, Роланд поможет, – доносился девичий голос в липкое вязкое сознание Хьюго.

Еще и Роланд. Он сразу все понял, это точно, потому так больно полоснул своим укором. Хьюго больше не мог считать себя хорошим братом. Так ничтожно и гадко он себя не чувствовал уже очень давно. За то, что теперь станет с Ламмертом, Хьюго будет должен ему всю жизнь.

Мелисса дотронулась до его руки и тихо произнесла его имя. Но ненависти к себе в Хьюго было так много, что невольно она выплеснулась наружу, и он резким движением стряхнул ее руку с плеча.

– Ты хочешь, чтобы я ушла?

Тихий голос Мелиссы отвлек его на мгновение.

– Прости. Ты не обязана здесь находиться, в конце концов, это не твои проблемы.

– Не мои?! – воскликнула Мелисса, окончательно выдернув Хьюго из оцепенения. Он поднял на нее глаза. – Да это, черт возьми, мою парту обоссали! А наказать хотят моего

друга!

Тепло от слова «друг» внезапно разлилось по груди Хьюго. Стало даже больно дышать. Мелисса вскочила на ноги.

– Почему мы вообще все еще сидим здесь? У меня от этой несправедливости зубы сводит! Его обвинили только потому, что на него указала Притс. В жопу их. Мы найдем виновного, и все будут извиняться перед Ламмертом!

Мелиссу одолела нерешительность, как только она положила ладонь на ручку двери.

– Джули-Лу не накажут, – отозвался Хьюго, тоже встав с корточек.

– Да почему? Что с ней такое?

– Она племянница мэра. Наша школа имени О’Коннелла. О’Коннелл – ее прадед.

Мелисса сжала губы.

– Теперь все понятно, – понуро промычала она, отойдя от двери. – Теперь тоже хочется ей вмазать.

Время шло, голоса за дверью не переставали гудеть. Как только кабинет открылся, взволнованные Хьюго и Мелисса подлетели к проходу.

Первым шел Роланд, на его лице играла самодовольная улыбка. Следом Ламмерт, показывая знак «ОК» пальцами. Мелисса расплылась в счастливой улыбке, пока не услышала голос директора.

– Санлайт, как удачно, что вы здесь, пройдите в кабинет.

Девушка нахмурилась, недоуменно оглядела присутству-

ющих и скрылась за дверью.

Роланд отсутствием Мелиссы был даже разочарован. Он уже предвкушал как гордо, не обращая на не ни малейшего внимания, объявляет о своей дипломатической победе.

– Наше счастье, что у Марты нет телефона и они не могли ей позвонить. Ее бы хватил удар, – сказал Роланд.

– Как все прошло? – обеспокоенно спросил Хьюго.

Пару мгновений они молчали, уступая друг другу право начать рассказ.

– Короче, сначала они меня прессовали, – начал Ламмерт, – но я был слишком подавлен, чтобы как-то реагировать. Но меня поразило то, что они даже не спорили, отчислять меня или нет – все уже было решено. Знаешь, как будто они только и ждали момента, чтобы вышвырнуть меня. Только Флеминг заступилась, типа, может, дадим ему шанс, но ее не послушали. А потом пришел Рол и тупо начал их шантажировать. Вот, мол, отчислите его, уйду и я, лучший ученик школы, и все в таком духе.

Роланд усмехнулся уголком рта и поправил:

– Это не шантаж, а дипломатия. Потому что еще я описал все плюсы и минусы их решения. Надо просто выдавать то, что нужно нам, за то, что нужно им. Ну и еще... предложить взятку.

– Взятку? – воскликнул Хьюго. Роланд жестом велел ему быть потише, и тот продолжил уже шепотом. – У нас нет денег на взятку!

– Мы их украдем! – торжествующе вставил Ламмерт.

Роланд закатил глаза и дал ему время посмеяться над своей шуткой.

– Я их выиграю. В европейской олимпиаде для школьников по физике, поездку на которую мне теперь проспонсируют. А ты зря смеешься, Ламм. Они теперь не упустят возможности отчислить тебя при любом удобном случае. Второй раз этот метод не сработает.

– Вас понял, последняя надежда школы! – по-воински отдав честь, воскликнул Ламмерт.

Хьюго похлопал братьев по плечам, наконец выразив облегчение оттого, что все позади.

Мелисса сидела в кабинете, положив руки на колени. Директору Бритвичу было за шестьдесят, он пыхтел, как мопс, перекладывая какие-то бумаги. Он был длинным и полнотелым, как батон хлеба. Удивительно, как мистер Бритвич подобрал на такую фигуру сидящий с иголки костюм. Золотые запонки, оправка очков и зажим для галстука поблескивали в свете лампы.

Здесь был и мистер Спаркстон, который сложил руки на груди, очевидно, недовольный тем, что Ламмерта не наказали. Миссис Окс, которую Мелисса уже видела в подобной обстановке, и только от этого становилось неуютно, замерла, скрестив пальцы, будто заснула с открытыми глазами. Миссис Флеминг поправляла цепочку под объемным воротником и выглядела так, словно ушла бы отсюда еще час назад,

если бы могла. Мелисса подумала, что не может прикинуть ее возраст, ведь аккуратные пальцы и подтянутая шея так не сочетались с сединой в волосах, усталыми бледными глазами и морщинами у носа.

– Как ты хочешь наказать Ламмерта де Лордеса? – спросил директор, наконец оторвав взгляд в узких очках от стола. Он встал, словно хотел выглядеть внушительнее, смотря на ученицу сверху вниз.

Мелисса распахнула глаза и глубоко вздохнула.

– Я не хочу его наказывать.

– Почему?

– Он невиновен, – подняв одну бровь, раздраженно и с несколько вопросительной интонацией ответила она.

Директор Бритвич снисходительно улыбнулся. Оголившиеся зубы стояли такими ровными и чистыми рядами, что даже раздражали.

– Послушай, ты тут новенькая, я понимаю. Понравился красивый мальчик, не хочется его наказывать. Но ты его не знаешь. Он виновен.

Мелисса возмущенно засмеялась. Она хватала ртом воздух в попытках подобрать слова.

– А у вас есть доказательства? Вы провели расследование?

– У нас есть свидетель.

– Джули-Лу?! Она хочет его подставить.

– Послушай, – с лица директора не сходила снисходительная ухмылка. – Не хочешь считать де Лордеса виновным, не

надо. Но кто-то должен выплатить школе деньги за порчу имущества.

– Да у вас полно лишних парт! Возьмите любую!

– Молчать! – грубо прервал Мелиссу директор, голос которого встрепенул всех присутствующих.

Миссис Окс, учительница литературы, вся занервничала и хлопнула по столу.

– Мерзавка! Посмотри, как ты себя ведешь со взрослыми людьми! Не стыдно так огрызаться? Перед тобой стоит директор, а ты хамишь, как уголовница! С тобой проводили беседу! А ты все равно не умеешь работать с возражениями!

– По мне, так это вы все тут не умеете работать с возражениями.

Миссис Флеминг усмехнулась, подперев голову ладонью, в то время как кабинет наполнил возмущенный гомон. Лицо директора Бритвича стало серьезным.

– Твоя мать, Грейс Гаст, тоже была такой строптивой, – сказал он. – Кричала, что вырвется в люди и плевать на нас всех тут хотела. И что теперь? Лебезила передо мной, выгораживая свою дочь-нахалку. Воспитание, – директор взмахнул руками. – Женщин вообще стоит учить послушанию и терпению. Только так они смогут стать хорошими женами. Что получится из тебя – одному богу известно.

Казалось, что у Мелиссы поднялась температура из-за ярости. Внутри все кипело, но она сжимала губы, иначе рисковала закричать на директора и его свиту матом. Каждый

вдох давался с усилием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.